

Москва: «Художественная литература», 1940

21049

в
к

АБАЙ
КУНАНБАЕВ

ЛИРИКА
И
ПОЭМЫ

ГОСЛИТИЗАТ
1940

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

**МОСКВА
1940**

ABAI QŪNANBAEV

ӨLEŇDER men POEMALAR

*L. Söbeleutiŋ
basqaruşmen*

*Bet pıcarın ızazıan
Müŋtar Ɖuezov*

К 91

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИИЛ. 3111

ЛИРИКА и ПОЭМЫ

3507
21019

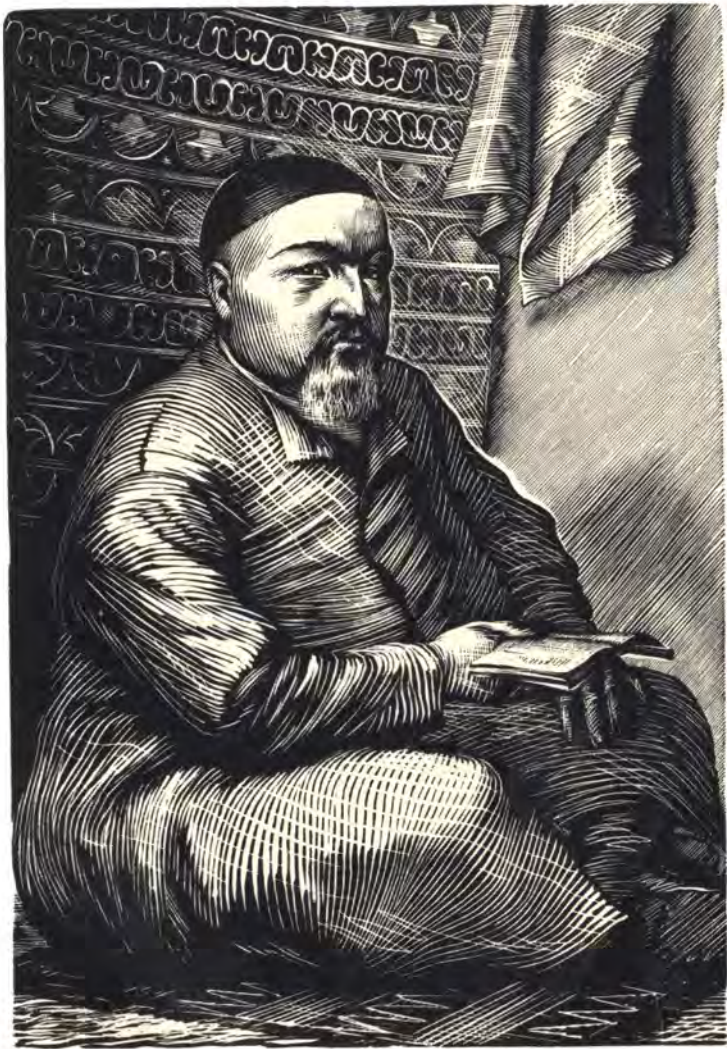

811

Под редакцией
Л. Соболева
С предисловием
Мухтара Ауэзова

1931

ПОЭТ-МЫСЛИТЕЛЬ

Я с вершины скал
В мир слова кричал,
Эхо отвечало вдали.
Тех, кто мне отвечал,
Я годами искал,
Волочась по лицу земли.
Те же скалы передо мной,
То же эхо — отзвук пустой.

(„Восьмистишия“.)

В этих строках Абая — вся трагедия большого поэта и мыслителя, жившего «в волчье время в волчьей стае».

Во времена Абая казахский народ дошел до последней степени нищеты и рабства. Один из самых несчастных народов земли, у которого отняли даже имя, — этот народ, еще не сбросив цепей феодального рабства, уже попал под жестокий колониальный пресс русского царизма. Взглядом мыслителя и сердцем поэта Абай увидел и понял бедствия своего народа — и до последних своих дней остался его верным другом и учителем. И до последних дней его грызла волчья стая баев-феодалов, биев, старейшин, управителей, мулл, богачей, почуявшая в Абае друга народа и своего смертельного врага.

«Ученый без последователей — вдовец», — говорит Абай в одном из своих афоризмов. Не рискуя поднять руку на самого Абая, слишком популярного в народе, враги его старались оставить учителя — без учеников, поэта — без слушателей. Запугивая, интригуя, подкупая, ссылая, даже убивая, «волчья стая» лишала Абая его учеников и сторонников, заставляя их молчать или перетягивая в свой лагерь (о таком своем ученике-акыне, переметнувшемся на сторону старого мира, Абай и говорит в четверостишии «Я вырастил пса из щенка...»).

Тема духовного одиночества, горькое признание отсутствия опоры, звучит во всей зрелой поэзии Абая. Она

возникает задолго до смерти, в 1889 году, в «Восьмистишиях», где поэт философски оценивает пройденный им путь.

Эта тема будет повторяться в стихах все чаще и все с большей выразительностью, будет входить почти в каждое стихотворение, чтобы наконец в одном из последних, обращенном к сердцу поэта, растерзанному миром «на сорок лоскутьев», прозвучать горьким итогом многолетней одинокой борьбы:

Те—взяты землей, те — враждою.
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чередою,
И вот ты среди пустоты.

И вместе с этим все нарастающим чувством духовного одиночества закономерно возникает и чувство разочарования в жизни, в своих стихах:

Ах, бесплодны мои дела,
В унижении жизнь прошла...

Закономерно и то, что одним постоянным мотивом проходит в стихах тема прощания с мечтой юных лет («Габидулле», «Года миновали», «Все от жизни я взял сполна»), которая в том же замечательном итоговом стихотворении «На сорок лоскутьев» завершается безнадежным стоном:

Мечты! Оглянись на них —
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

Закономерно и то, что сознание идейного одиночества и полного бессилия выполнить свои замыслы приводит поэта в конце жизни к мыслям самым мрачным, исторгающим из его сердца полный отчаяния вопль:

Мысль моя, прерви свой полет,
Коль пристанища не найти!

Этот крик, этот смертный приговор своей мысли (а значит и самому себе) — не плод минутной слабости. Это—вывод из опыта целой жизни. Еще за два года до этого Абай приходит к такому же, поистине страшному выводу:

Песня болтлива — зря тайну вверил ей.
Лучше б ей, не родясь, в землю лечь со мной.

Мыслитель, умоляющий свою мысль прекратить полет, поэт, сожалеющий о том, что рождались его песни! Вот трагедия Абая, родившегося со своим умом и талантом в проклятое волчье время.

Трагедия эта, этот приход большого поэта к безнадежному пессимизму, страшна тем более, что, по существу, поэзия Абая — поэзия глубоко оптимистичная и жизнеутверждающая. Прочтите его «Весну» — этот праздник ликования людей и природы, прочтите «Юности жаркий огонь» — гимн всепобеждающей юности, «Охоту с беркутом» — картину, изумительную по краскам и образам. В этих стихах со всей силой вылилась та безмерная любовь к жизни, к юности, та страстная жажда человеческого счастья, которая неизменно сопровождает в каждом стихотворении Абая тему разочарования, тему одиночества и мрачные пессимистические мысли.

Только глубокий жизнеутверждающий оптимизм поэта мог дать ему силы провозглашать в мрачной эпохе новые мысли о морали, о достоинстве и нормах поведения того, кто хочет называть себя человеком. О чем бы не писал Абай — езде он преследует одну жизнеутверждающую цель: внушить людям, что они — люди; что мечта о кумысе и мясе — это крик изголодавшегося бедняка, а не цель жизни; что юность, пустая и бездеятельная, оставит в старости тяжелый осадок; что жить — это значит строить жизнь, трудиться и трудиться не для себя:

Жаркой жалостью к страдающим напоен,
Ты работай для блага земных племен.

Только глубокая вера в душевные силы народа, вера в неистребимую силу жизни могла подсказать поэту страстные строки, звучащие, как лозунг:

Властолюбье, ложь,
Воровство, грабеж
Пусть исчезнут; добра не жди.
Да проснется совесть в сердцах,
И в поступках людских, и в речах.

Борьба за утверждение жизни, борьба за человека, высокая гуманистическая цель поэта и мыслителя, естественно, была борьбой против мрачных и темных сил, превращающих человека в бессловесного раба, в двуногого покорного пса, охраняющего байский скот. В поэ-

зии Абая она запечатлена в целом цикле стихов-обличений, стихов-портретов, убийственных в своей правдивости. Таков сатирический монолог управителя «Кулембаю», таков большой цикл сатирических стихов («Управитель», «Кожекбаю» и др.) и, в особенности, полный злой иронии совет управителю «Как без труда в руках держать народ?».

Народному негодванию дан точный адрес. Найден конкретный виновник бедствий народа. Это — богач, управитель-предатель, нечестный судья-бий, обманщик-мулла. В обобщении — это старый отживающий мир диких обычаев калыма, невежества, духовной нищеты.

Более того. Ясный ум Абая-мыслителя, Абая-гуманиста увидел для народа единственно-верный выход из мрака своей эпохи — в сближении с культурой русской, а через нее — с культурой мировой. Поразительно, как в условиях гнета царизма, когда все русское вызывало ненависть и проклятья, когда первые националисты играли на этой ненависти в своих предательских целях, Абай имел смелость сказать во весь голос:

Русские ведь говорят
Не об одном лишь дурном.
Сам ты с кровью дурной, хочешь сам
Быть пройдохой и хитрецом,
А вьют лишь русских людей.

Абай-поэт продолжил замысел Абая-мыслителя своей большой работой по переводам, пропаганде, разъяснению великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Крылова, Щедрина.

Абай, как Пушкин, оставил для литературы бессмертные заветы. Правдивость, высокое мастерство, любовь к народу — вот что звучит в его кодексе поэта, изложенном в стихотворении «Слова — жемчужины меж слов».

Заложена любовь к стиху в нас истари,
Но все ж избранничества сан лишь тем дари,
Кто слово льет, что серебром горит извне,
А золота чистейший сплав таит внутри.

Мысль — это чистейший сплав золота — горит внутри каждого абаевского стихотворения. Если Абай пишет про

осень — это не только холодные ветра, пустая степь, это еще и образ нищего ребенка-батрака, это полный любви к народу вывод.

Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

Если он пишет о любви — это не только показ юной страсти молодых существ — это еще и постоянная глубокая и благородная мысль о существе настоящей любви:

Два пути я знаю: любовь и страсть.
Лишь над плотью похоть имеет власть.
Я ж тебя полюбил: будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть.

Драгоценное качество настоящей поэзии — глубокая мысль — вот, что сохранило для нас стихи Абая. И хотя с великой скромностью большого человека Абай и говорит:

Не имя запомни, а мысль
Того, кто это писал, —

имя Абая, величайшего казахского поэта, основоположника казахской литературы, наследника древнего поэтического гения казахского народа и мудрого мыслителя, увидевшего в дали времен сталинскую дружбу казахской и русской культур, — останется навсегда в нашей памяти.

С особой силой скорбь поэта, любящего свой народ и страдающего от мысли о той тьме, в которой его держат властители, сказывается в стихотворении «О бедная моя страна...». Как бы отвечая поэтам «эпохи скорби» (середины XIX века), которые тоже плакали о бедствиях народа, но не видели ни причины его несчастий, ни выхода из них, — Абай впервые вносит в казахскую поэзию гордый призыв к народу:

Любая тварь стремится стать
хоть чьим-нибудь главой.
Путы позорят и чернят
достойный облик твой.
...Народ мой, если ты, борясь,
не смоешь эту грязь,
Любой унижит честь твою,
и оскорбит любовь.

Известно, что доведенный до отчаяния травлей «вольчей стаи», Абай был готов покинуть родную страну. Но горячая любовь к народу преодолела эту готовность, и это запечатлено в стихах:

Эти люди, в буйстве слепом,
Беспокойно рыщут кругом,
Не надеть мне на них узду,
Но уйти, на свою беду,
От отчизны не в силах я,
Хоть дурна родная страна!

Свою беззаветную и действенную любовь к несчастному своему народу Абай доказал всей жизнью. Та злоба, с которой травили Абая всю жизнь поборники старого порядка вещей, убедительно доказывает, каким высоким подвигом поэта-гражданина была вся его жизнь, отданная служению народа.

Абай вмешивался в выборы волостных управителей, разъясняя народу, что ему подсовывают нового кровопийцу и вора, не лучше, если не хуже старого. Абай выносил приговоры на суде, оберегая интересы народа, а не кучки баев и старейшин. Абай не раз спасал юную любовь от притязаний старого богача, покупавшего невест за калым. Абай воспитывал молодежь в новых понятиях о достоинстве и чести. И имя Абая, друга народа, при жизни его летело по степи на крыльях народной любви.

По смерти его — это великое имя поднято казахским народом еще выше, над всем союзом братских национальностей, навеки спаянных сталинской дружбой народов.

Абай умер, примерно, в те годы, когда замолчал на пятнадцать лет другой гигант казахской поэзии — Джамбул. Джамбул запел вновь, пробужденный к жизни силой социалистической революции. Джамбула знает весь советский народ, как певца счастья своего народа, возрожденного к жизни. Пусть и голос Абая, певца страшного горя этого народа, прозвучит над всей советской страной, чтобы народы Советского Союза поняли, из какого мрака вырвала казахский народ Великая социалистическая революция.

Леонид Соболев.

АБАЙ (ИБРАГИМ) КУНАНБАЕВ

(1845—1904)

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

1

Великий поэт казахского народа Абай родился в 1845 году в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях племени Тобыкты.

Отец Абая — самовластный, суровый степной правитель Кунанбай — был старшиной Тобыктинского рода, недавно принявшего русское подданство.

Ранние детские годы Абая прошли в тяжелой обстановке семейного разлада внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырех жен). Этот необыкновенно тягостный уклад феодальной семьи влиял на психику, нравы и личную судьбу не только жен-соперниц, но и детей, обычно так же соперничавших и враждовавших между собою, как и их матери. Но, по счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Ее природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей, и имя его — Ибрагим, данное отцом, она заменила ласкательным «Абай». Это имя так и осталось за ее сыном на всю его жизнь.

Живя в молчаливой отчужденности от Кунанбая, Абай и его мать нашли свою духовную опору в лице бабушки — Зере. Многоопытная, мягкосердечная и мудрая бабушка, сама познавшая за долгую жизнь все горечи бесправной жены, перенесла всю надежду и любовь на внука. Забота, наставления и ласка этих двух матерей

Абая обучаться в старометодном «медресе»¹ семипалатинского имама Ахмет-Ризы.

За пять лет учебы в этом медресе прилежный и необыкновенно способный мальчик сумел получить многое. Дни и ночи великовозрастных воспитанников духовной школы проходили в пустом заучивании непонятого текста корана, в пятикратной молитве, в изнуряющем посте, в иссушающих рассудок бесплодных спорах над буквой шариата. Преодолевая премудрости арабского богословско-схоластического учения о догмах ислама, Абай расширяет круг своих интересов. Уже к этому времени им владела рано пробудившаяся в нем любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал в родном ауле многочисленные рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — все многообразное богатство творений акынов, певцов его родных степей. И попав в медресе, Абай стал увлекаться чтением арабо-иранских и тюркских поэтов. Из удушливой атмосферы богомольных буквоедов, темных фанатиков (хаальфе, хазретов), окружавшей его, он чутким, пытливым умом рвется, как к благодатному оазису в мрачной пустыне, — к произведениям знаменитых классиков востока, к народной и классической литературе. Вместе с тягой к изучению восточных языков в нем пробуждается интерес и к русскому языку, к русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, он самовольно поступил в русскую школу, одновременно обучаясь и там.

За эти школьные годы Абай не только изучает доступных ему поэтов, но и сам начинает писать стихи. Среди сохранившихся ранних стихов Абая мы встречаем лирические отрывки, послания и любовные стихи, написанные под влиянием книжной восточной классической поэзии, и — одновременно — стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов-импровизаторов того времени.

¹ Медресе — мусульманская духовная школа.

Вдумчивый юноша, старательный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже и в условиях скудной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую участь своего сына в ином направлении.

Бесперывная борьба степной знати за родовую гегемонию и постоянное участие в ней Кунанбая нажили ему много врагов среди его дальних и близких соперников. И Кунанбай должен был готовить к участию в этой борьбе каждого из своих детей и близких родственников. Поэтому, прекратив обучение Абая в городе, Кунанбай вернул его в аул и начал постепенно приучать сына к разбирательству тяжёлых дел, чтобы подготовить его к административной деятельности главы рода.

Наделенный от природы недюжинными способностями, юноша очень рано попал в самую гущу сложных интриг, в противоречивое переплетение человеческих взаимоотношений. Вращаясь в кругу изощренных воротил и вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай постигает все тонкие приемы словесных турниров, выражаемых в отточенном красноречии, в остроумии и изворотливости. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай был вынужден обратиться к богатым запасам прошлого и настоящего казахской народно-речевой культуры. И еще в юношеском возрасте он заслуженно стяжал себе славу красноречивого, остроумного оратора, сумев стать знатоком и тонким ценителем манерно-стилизованной ораторской речи и научившись высоко ценить все полновесное значение художественно-поэтического слова.

Общаясь не только с людьми из круга своего отца, но и, вопреки его воле, тяготея больше к талантливым выходцам из народа, Абай откладывал в памяти обильные запасы народных песен, эпоса, сказаний и преданий минувших веков, передававшиеся изустно. И если Кунанбай и родня хранили в своей памяти лишь деяния предков — родовых старейшин, то Абай знал почти всех своих предшественников поэтов, акынов и участников «айтыс»¹, выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

¹ А й т ы с — поэтическое состязание в импровизации.

Рано пробудившийся интерес к книжной восточной поэзии (арабской, иранской, чагатайской) рождал первые подражательные стихи Абая. Теперь обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его новые стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. В этих стихах уже намечался будущий самостоятельный облик поэта, чье творчество уходит корнями глубоко в народную основу.

Несмотря на свидетельства многих современников Абая, подтверждающих, что он начал сочинять стихи, и в виде импровизаций и в виде писем-посланий, очень рано, с двенадцатилетнего возраста, его поэзия этого первого периода дошла до нас далеко не полностью. Вместе с небольшим количеством юношеских стихов мы знаем только ряд упоминаний об отдельных забытых и утерянных произведениях. Так известны лишь начальные строки стихов, посвященных любимой им девушке Тогжан. Так только в устной прозаической передаче сохранился «айтыс» молодого Абая с девушкой-поэтессой Куандык. Слабое развитие письменной культуры в Казахстане того времени обусловило и отсутствие писем, мемуаров, записей, воспоминаний современников, которые могли бы сохранить юношеские стихи Абая и осветить его биографию. Немалое значение при этом имело и отношение к поэту вообще, бытовавшее в феодально-байской среде того времени. Если народ с глубоким уважением относился к поэтическому творчеству и высоко чтит звание акына, то родовитые баи с самодовольной гордостью говорили: «Слава богу, из нашего племени не выходило ни одного баксы¹ и акына». Этим презрительным отношением знати к профессии поэта объясняется то, что в родных аулах Абая не сохранилось ни его произведений, ни рассказов об его поэтической деятельности. И сам Абай, под влиянием таких взглядов на поэта, часто выдал свои стихи того периода за стихи своих молодых друзей.

Втянутый насильно волей отца в тягостные дела родовых распрей, Абай долгое время жил в большом душевном разладе с отцом. Он не мог примириться с несправедливостью и жестокостью отца и часто шел вразрез интересам и стремлениям Кунанбая, вынося справедливые и беспристрастные решения многих дел. Кунанбау

¹ Б а к с ы — знахарь.

были ненавистны новые повадки сына: и то, что друзей и советников Абай искал себе в народе среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между властным отцом и правдивым, непокорным сыном все чаще происходили серьезные споры и стычки, готовые со временем вылиться в прямой разрыв.

Этот разрыв и совершился, когда Абаю было двадцать восемь лет.

Теперь Абай смог определить дальнейшую свою жизнь по велениям собственного разума, своей личной воли.

Прежде всего он вернулся к изучению русского языка, прерванному в детстве. Новыми его друзьями стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодежь, по преимуществу незнатного рода, лучшие представители русской интеллигенции того времени, встреченные им в Семипалатинске. И на тридцать пятом году жизни Абай вновь возвращается к поэзии. Но и стихи этого периода он все еще распространяет от имени своего ученика и друга Кокпая Джанатаева. В течение десяти-двадцати лет Абай, уже как зрелый и культурный человек, изучает лучшее наследие народной литературы, восточных поэтов и, главным образом, русскую классическую литературу. И только летом 1886 года, когда ему было 40 лет, написав прекрасное стихотворение «Лето», Абай впервые решился поставить под своими произведениями свое имя.

И начиная с этого дня, все остальные двадцать лет его жизни стали полнокровной, цветущей порой его необычайно содержательной, напряженно-творческой поэтической деятельности.

К этому же времени, до глубины души разочаровавшись в нравах и во всем моральном облике социально разлагавшейся феодально-родовой среды, Абай всеми силами стремится оттолкнуться от нее. Бывший в юности невольным участником бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых воротилами родов, Абай теперь отчетливо сознает всю пагубность, всю неимоверную тяжесть этой родовой борьбы для народа, начинает понимать истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом, проводящим свою политику по принципу «разделяй и властвуй». Управители, бии и старшины превращаются в его глазах в ставленников колониза-

торской власти. Тяжко задумывается Абай над судьбами своего народа, терзается мыслями об участи темной, угнетенной и бесправной народной массы. И стихи зрелых лет Абая выражают глубокую скорбь поэта о злосчастной доле отсталого народа.

Искренний поэт и верный сын своего народа, Абай ищет выхода для него. В первые же годы своей новой, зрелой поэтической деятельности Абай пытается открыть народу глаза, громогласно осуждая и беспощадно бичуя в правдивых, желчных, изобличительных стихах пороки феодально-родовой, чиновничьей знати и призывая народные массы к просвещению, которое одно может указать им путь к иной жизни.

В то же время Абай усиленно занимался самообразованием, и книги русских классиков стали его неразлучными друзьями. Счастливый случай свел Абая со ссыльными русскими революционерами семидесятых годов. Это были ученики Чернышевского — Михаэлис, Долгополов, Гросс, Леонтьев и другие. Возникла тесная связь Абая с этими людьми, перешедшая в большую дружбу. На лето они выезжают в гости в аул Абая, зимой поддерживают постоянную переписку с ним. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогают самообразованию Абая, подбирая для него книги, отвечая на его вопросы. Благодаря этому Абай очень успешно и быстро расширяет круг своих интересов. Необыкновенно широко раздвинулся его горизонт, когда он обнаружил и познал подлинные ценности духовной культуры русского народа. Абай становится почитателем наследия Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. И с самого того памятного лета 1886 года, то есть с начала своей осознанной поэтической деятельности, Абай переводит на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые делая их доступными и понятными для своего народа.

Будучи не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки, Абай создает ряд своих мелодий, главным образом, для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, неизвестные ей до этого формы (восьмистишия, шестистишия и т. д.). Такие же новые мелодии создал Абай и к своим переводам отрывков из «Евгения

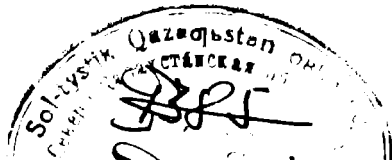
Онегина». И уже в 1887 году имя Пушкина и имена его героев Онегина и Татьяны, пролетев над степями на крыльях этих песен, стали родными для казахского народа, так же известными, как имена казахских акынов и героев казахских эпических поэм.

К этим же годам имя самого Абая — поэта, мыслителя и композитора — становится одним из самых популярных и чтимых народом имен. К нему едут акыны, композиторы, певцы из дальних районов его родины. Знаменитый Биржан, акын Асет, слепая женщина-акын Ажар, старшие акыны Шортамбай, Кемпирбай заучивают и поют его песни. Сверстники Абая, акыны Жусупбек-Шейхуль-Ислам, Машур-Жусуп-Копеев, Нармамбет, женщины-поэтессы Каундык, Сара и другие разносят по широким степям его стихи.

Вокруг Абая группируются ученики-поэты, образованные и знакомые с книгами люди: Кокпай, Муха, Акылбай, Шакерим, Какитай, младший сын Абая — Магавья. Все они, по примеру самого Абая, усиленно занимаются самообразованием, изучают русскую литературу, пишут поэмы — исторические, романтические и бытовые — на темы, разработанные и заданные своим учителем.

Популярность имени Абая привлекает не только казахов, но и многих либеральных людей востока, по преимуществу из татарской молодежи, принужденных покинуть города из-за преследования властей, или репрессированных царским правительством пришельцев с Кавказа, Крыма. Так в ауле Абая месяцами гостили кавказцы, бежавшие из сибирской ссылки и пробиравшиеся по казахским степям к себе на родину. Аул Абая постепенно становится центром прогрессивных, либерально настроенных, передовых людей того времени.

Все это, а также длительная и прочная дружба Абая со ссыльными революционерами и частые поездки их к нему в сильной степени тревожат власти края. Сведения об Абае, как об опасном для царизма человеке, доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора Степного края. За аулом Абая и за всем, что происходит там, устанавливается негласный надзор. Абай как авторитетная в степи личность и как опасный и смелый провозвестник правды, изобличитель пороков существующего образа правления, становится объектом постоянного и бдительного внимания приставов, урядников, волостных управителей.

350X

21049

А культурная среда учеников, последователей и почитателей таланта Абая все увеличивается с годами. Широко распространяется в городе его огромное влияние. Поются, переписываются и заучиваются массами не только его собственные стихи, но и произведения его учеников. В форме устного сказа распространяются в степи романы западных и русских писателей, прочитанные Абаем и пересказанные им своим слушателям-сказочникам. Так проникли в степь популярные в среде абаевских слушателей «Три мушкетера», «Генрих Наваррский» Дюма, русский народный сказ о Петре Великом, романы времен инквизиции, сюжеты поэм Лермонтова и множество восточных поэм, как «Шах-Наме», «Лейла и Меджунун», «Кер-Оглы» и т. д. По примеру Абая, распространению таких произведений способствовал и ряд европейски образованных людей из круга Абая.

Сам поэт обучал своих детей в русских школах. Его дочь Гуль-Бадан и сыновья Абдрахман и Магавья с раннего детства были посланы им в город, в русскую школу. Впоследствии Абдрахман получил солидное образование, окончив Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, а дочь и другой сын — Магавья — вернулись в аул только по слабости здоровья. Однако, вернувшись в семью, Магавья становится одним из самых ревностных и старательных учеников своего отца.

Он и старший сын Абая — Акылбай — были самыми талантливыми поэтами среди последователей Абая. Магавья написал несколько поэм, среди которых лучшими считаются поэмы, написанные по совету Абая: «Медгат Касым» — поэма о борьбе раба с хозяином, плантатором на берегах Нила, и «Шамиль» — о борьбе с царизмом известного вождя кавказских повстанцев. Акылбай оставил романтические сюжетные поэмы: «Дагестан», «Зулус», темы и идеи которых также подсказал ему Абай.

Другие поэты абаевской школы, Кокпай и Шакерим, писали поэмы исторические, беря темы из быта казахов в прошлом — «Калкаман-Мамыр», «Энлик Кебек». По поручению Абая и при его ближайшем участии Кокпаем написана историческая поэма об известном восстании Кенесары, о его длительной военной борьбе с царизмом за интересы своего народа.

Все эти произведения так же распространялись среди народа и в рукописях и, главным образом, в устном исполнении акынов-певцов, заучивавших их и разносив-

ших по степи. Так же доходили до широких масс казахских слушателей произведения Пушкина и Лермонтова — новые, неизвестные им ценнейшие дары мировой поэзии.

Эта разносторонняя просветительная, художественно-воспитательная и общественная деятельность Абая и его учеников всей силой своего колоссального воздействия была направлена против отсталых феодальных устоев тогдашнего аула, против конкретных носителей этого зла — родовитых интриганов, невежественных угнетателей народа и — поверх их голов — против всей системы царизма.

Трудами и усилиями своими, всей своей светлой и ясной общественной программой и ориентацией на русскую культуру, своим презрением ко всем властям имущим Абай заслужил лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они начали непрерывную, грязную и коварную борьбу против него, против всего того, что нес на своем знамени просвещенный и непримиримый поэт. Эти враги Абая были в союзе с чиновничьей знатью, с властями и с переводчиками, со всеми тогдашними представителями продажной мелко-чиновничьей интеллигенции.

Все эти темные силы, боясь народной любви к Абая, не могли действовать против него открыто. Они избрали коварные и вероломные методы борьбы. Один из старейшин, непримиримый и злобный враг Абая — Оразбай, сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать абаевских учеников, порочить Абая клеветой и, наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, устроили предательское покушение на жизнь Абая. Они затопили канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов всевозможными доносами на Абая со стороны управителей и родовых старшин, называя Абая «врагом белого царя», «смутьяном среди народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». По этим доносам об опасной деятельности Абая в его аул нагрянули с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды с целым отрядом жандармов выезжал и сам полицмейстер города Семипалатинска, учинив обыск во всем ауле Абая.

Неоднократно пытался изъять Абая из степи и губернатор. Но, боясь исключительной популярности Абая среди казахского народа, опасаясь возмущений масс, он вынужден был ограничиться только изоляцией Абая от его ссыльных друзей. Долгополов и Михаэлис были высланы в далекие от Семипалатинска районы и области. Это прервало тесную связь их с Абаем. Всякую переписку поэта со всеми его друзьями и читателями из отдаленных районов власти контролировали и просто задерживали в своих ведомствах.

Но все эти меры не смогли стать преградой для широкого признания народом заслуг Абая и величайшей ценности его трудов и всей его деятельности.

Непримиримый, прямолинейный и беспощадный обличитель всех пороков управителей, биев (родовых судей), родовых старшин и всех иных властей, Абай стал мудрым советником народа во всех его тягостных больших и малых делах. За его разумными советами, за его бескорыстным и справедливым судом в спорах начали обращаться люди, племена и роды не только из близких аулов, районов. Даже казахи отдаленных уездов — Каркаралинского, Павлодарского, Устькаменогорского и Зайсанского — обращались к Абаю за разрешением их давних крупных споров по земельным и иным тяжбым делам. Нередко к нему приезжали и с просьбой решить сложные междуобластные дела о набегах, убийствах, о пени за убийство, в которых чины власти не смогли разобраться и оставляли неразрешенными. Абай, не будучи ни в какой мере официальным лицом, порой должен был решать эти спорные дела, как избранный третейский народный судья. И Абай брался за них — только для того, чтобы выручить из бедственной вражды и спасти от новых набегов безвинные массы народа, чтобы заставить присмиреть поджигателей этой борьбы. По единогласному свидетельству современников, мы знаем, что проникновенность, справедливость и бескорыстная объективность Абая в решении таких дел были настолько безукоризненными, что порой судиться перед Абаем шли даже лично враждовавшие с ним родовые старшины. И действительно, из этого круга много было людей, подававших в областные канцелярии доносы и ложные показания на Абая и все-таки в своей личной тяжбе по бытовым и обычным делам искавшим суда Абая, самого справедливого и неподкупного судьи того времени.

Вместе с распространявшимися в те же годы все новыми произведениями Абая и эти его общественно-полезные дела создавали его имени еще большую популярность, еще больший почет. Дела и творения Абая были особенно популярны среди степной молодежи. На многих народных сборах, поминках, торжественных тоях (пирах), на свадебных празднествах певцами и акынами пелись его песни. Юноши объяснялись в своих любовных чувствах строками стихов Абая. Девушки из родовых аулов Абая, выходя замуж, увозили в числе своего приданого рукописные сборники стихов, поэм и наставлений Абая. Так сохранились сборники, принадлежащие девушкам Асие, Василе, Рахиле и т. д.

Но завистливая, коварная и невежественная среда степных воротил не могла мириться с такой невиданной славой, которую создал народ имени опасного, ненавистного для них Абая, и они продолжали интриги и непрерывную борьбу против него, отравляя дни труда и кипучей творческой деятельности его самого и его учеников.

Сложная сеть этих хитроумных грязных интриг доходила до безобразных бытовых проявлений, ранивших сердце поэта. От Абая отталкивали его ближайших родных, восстанавливали против него его племянников, даже его родного брата, вероломного Такежана, клеветой и угрозами откалывали от Абая его учеников, преследованиями и откровенными нападками травили его друзей.

В этой мрачной и страшной атмосфере злобы и ненависти тяжелой и непоправимой утратой явился для Абая ряд смертей, особенно смерть его сына Абдрахмана, наследника дел его, образованного и талантливого человека. Надломленный тягостной борьбой и горестной трудной жизнью, одинокий борец за правду, за счастливую жизнь народа, преследуемый тупой, злобной средой феодалов и чиновничьей знати, Абай терпит последний тяжелейший удар судьбы: умирает в чухотке его любимый сын и талантливый ученик — поэт Магавья...

Пережив его только на сорок дней, Абай, раздавленный этим несчастьем и упавший духом, отвергнув всякое лечение своего недуга, умирает в родных степях на шестидесятом году своей жизни.

Он похоронен около своей зимовки — в долине Жидевай, вблизи Чингисских гор.

Литературное наследие Абая, в виде его стихов, поэм, переводов и бесед с читателем (Кара-Сёзь, названных им «Гаклия»¹), в последнем издании составляет два объемистых тома. Драгоценный результат многолетних дум, волнений и благородных душевных порывов поэта, наследие это теперь, на всем фоне истории казахской литературы, представляется огромным синтезом духовной культуры казахского народа всех предшествовавших Абаю веков.

Три великих источника национальной и общечеловеческой культуры питают своими соками корни творчества мудрого поэта.

Один из них — древнеказахская культура, запечатленная в устных и письменных памятниках прошлого, созданных гением самого народа. Творчество Абая питалось богатствами этого бесценного клада. В своем глубоком и тесном общении с поэтическим наследием родного народа Абай сумел увидеть этот клад новым творческим взглядом и обогатить им свою поэзию.

Другой источник — это лучшие образцы восточной культуры, арабо-иранская и тюркская классическая поэзия. В той стадии развития казахской литературы, в которой застал ее Абай, обращение к восточной культуре было еще в значительной мере не прошлым, а настоящим, ибо соприкосновение с этим источником вплотную началось лишь с начала девятнадцатого века. И насыщая этим богатством, мало знакомым казахскому народу, свою поэзию, Абай несомненно совершал прогрессивное дело.

Третий источник — это русская (а через нее и европейская) культура. Для эпохи Абая самый факт обращения к этому источнику, главным образом, к наследию русских великих гуманистов и классиков, до сих пор совершенно неведомых казахскому народу, был фактом огромного значения. Это было залогом будущего расцвета казахской культуры, смелой и верной ориентацией пути своего народа в историческую перспективу будущего.

Исключительная самобытность, природная мощь и гениальность Абая сказались в том, что, обратившись к этим трем источникам культуры, он не унизил своего творчества ни подражательством, ни перепевами, ни иными проявлениями простого эпигонства и фальши. Делая

¹ Кара-Сёзь — простые слова, Гаклия — разумный.

критический и строгий отбор, Абай как художник большого дыхания органически впитывает в себя новую культуру. Свои идейно-художественные искания и свою поэзию он насыщает этой культурой уже в претворенном своей ярко выраженной индивидуальностью виде.

Своим обращением к этим культурам — далеким и не освоенным еще казахским народом — Абай обогатил себя не только новыми средствами художественной выразительности. Он обогатил и свой духовный мир новыми идеями, сумев получить для себя столько же, сколько Пушкин получил для себя из общения с античной, средневековой и современной ему западной культурами. И так же, как Пушкин, Абай, в самой сущности своего идейного и творческого богатства, интернационален, но вместе с тем, как и Пушкин, он национален и бесспорно народен.

Присмотримся ближе к влиянию трех названных нами основных источников творчества Абая. Эти струи часто находятся в органическом слиянии, во взаимопроникновении, что естественно для творчества зрелого мастера. Поэтому, касаясь различных этапов творчества Абая, мы можем говорить об этих элементах только как о преобладающих признаках.

Большинство стихов восьмидесятых годов посвящены своеобразному укладу и быту тогдашнего аула и исторической судьбе современного общества. Вместе с тем в них происходит глубокий художественно-критический пересмотр всех духовных ценностей своего народа. Там же провозглашена новая поэтическая программа Абая, деятельного преобразователя общества и всей истории своего народа. В этих произведениях Абай приходит в близкое соприкосновение с народным наследием.

Но именно здесь мы видим, как резко отличается его поэзия от всего народного творчества. Ни одна абаевская строчка не воспроизводит речевой и поэтической культуры народного творчества в канонизированном традиционном виде. Наоборот, и словарь, и образная система, и стилистические приемы устного творчества видоизменены Абаем, углублены, наполнены новыми мыслями и чувствами, свойственными его новому мироощущению. Великолепную силу и выразительность народной поэзии Абай сумел перевести в иное, высшее качество. Иные

идеи, иные порывы духа запечатлены в его стихах, и прежде всего в них резко сказалось непримиримое отношение поэта к современности, к общественному укладу тогдашнего аула с его архаическими пережитками, извращенными нравами феодальных верхов, с его мракобесием, раздорами, с его бедственным и безысходным положением трудовых масс. Огромное количество стихов Абая, начиная с «Хоть мы старцы», «О бедная моя страна», «Кулембаю», «Кожекбаю», беспощадно бичует невежество, сутяжничество, взяточничество, паразитизм, духовную нищету родной среды. Впервые в казахской литературе в стихах Абая так отчетливо и на такой моральной высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женскому вопросу.

Злосчастная доля восточной женщины, глубоко и волнующе воспетая в народных поэмах и бытовых песнях, приобретает в творчестве Абая новый, общечеловеческий смысл. В своей поэзии Абай раскрывает самую душу казахской женщины и девушки, ее сокровенные мысли и чувства, о которых так мало было рассказано в прежних поэмах и песнях, отражавших, главным образом, внешнюю сторону ее трагической судьбы. Абай показывает, как трогательно, искренна и глубока ее любовь, когда она сама выбирает себе возлюбленного, как сильна и непоколебима ее воля в борьбе за вырванное с таким трудом счастье. Абай воспекает казахскую женщину как основу разумной семьи, готовность ее к самопожертвованию как матери, мудрость и стойкость ее в своей преданной дружбе, цельность ее прекрасной и верной души. С гневом и страстью отрицая позорный институт калыма, многоженства и порабощения, Абай неустанно доказывает в стихах неоспоримое право женщины на равноправие в обществе.

Желчно и саркастически обрушиваясь на вековые устои старого аула, на косность, лень, неспособность к высоким порывам, Абай воспекает деятельную волю и любовь к труду как необходимые качества разумного и жизнеспособного человека. Только труд и борьба за свои права принесут независимость степной бедноте, только упорное стремление к знанию, к широкому просвещению принесут лучшую жизнь подрастающему поколению. Этот призыв народа к просвещению выражен не сухой проповедью. Абай всей системой действенных образов своей

поэзии ориентирует путь развития нового общества на европейскую и общечеловеческую культуру, высмеивая схоластику и фанатизм мусульманских «медресе», питомцы которых лишь углубляют мрак и усиливают бедственное положение аульных масс. В этих стихах Абая произведена радикальная переоценка основ степного общества, дедовских традиций, обычных прав и общественной морали: жизненный путь человека должны определять его разумная воля, искренность и благородство чувств и полезная деятельность, а не тупое следование обветшалым обычаям и традициям.

Такую же свежую остроту и глубокое содержание приобретает в творчестве Абая отношение человека к природе, к труду, к борьбе за преобразование жизни. Смысл человеческого существования осознан по-новому.

Большой цикл стихов Абая посвящен такому пересмотру всех основ современной ему общественной морали, основанной на традициях и обычаях прошлого: Абай, затрагивавший все животрепещущие вопросы и проблемы, которые волновали народ, предстает перед нами в этих стихах как выразитель мыслей и чаяний своего народа. Но в этих же стихах Абай самобытен и неповторим как поэт, провозглашающий новые идеи, проводящий прямолинейно и остро свою действенную социальную программу.

Не менее оригинален Абай и в своем общении с восточной поэзией, со всей прошлой и современной ему культурой Ближнего востока.

Еще в молодости влияние Востока сильно отразилось на Абае. Он знал в оригинале (частично в переводе на чагатайский язык) весь арабо-иранский религиозно-героический эпос и классиков востока — Фердоуси, Низами, Саади, Хафиза, Навои, Фазули, Бабур. В молодости он и сам подражал этим поэтам, впервые введя в казахский стих размер «гаруз» и множество заимствованных из поэтической лексики этих классиков арабо-персидских слов. Впоследствии, найдя более жизненные и прочные основы искусства в народном творчестве, Абай отобрал из восточной литературы и полюбил народные творения: «Тысячу и одну ночь», персидские и тюркские народные сказки и народный эпос. Из его же пересказов стали популярными в степи поэмы «Шах-Наме», «Лейла и Меджнун», «Кер-Оглы».

Разносторонние изучая историю арабо-магометанской культуры, Абай знал также исторические труды Табари, Рубгузи, Рашид Эддина, Бабура, Абулгази-Бегадур-хана и других, знал и основы логики и мусульманского права в толковании ученых богословов Востока. Не только древняя история, но и современное состояние культуры Ближнего востока также было хорошо известно Абая. Он знал труды первого татарского просвещенца-новатора Шихабеддина Марджани, знал труды и других новаторов, как Мухамеда Габдуху египетского, Желаледина афганского, читал газету «Тарджиман» Исмагила Гаспринского.

Но, изучая это современное ему новаторское течение ислама, Абай безошибочно постиг ограниченность и реакционную сущность этого мнимого пробуждения мусульманского востока. Насыщавшее политические программы «новаторов» восхваление ислама, поклонение идеалам пан-исламизма, призыв к отрыву от европейской общечеловеческой культуры, реакционный пантюркизм, еще только зарождавшийся, но уже ориентирующий исторический ход развития восточных народов на изолированную отсталость, — все это было Абая не по пути. Замечательным проникновением мудрого художника он предвидел вредоносное влияние этих идей.

Это тревожное предвидение его подтвердилось дальнейшим ходом развития общественной мысли. Правоту Абая убедительно доказала Великая Октябрьская революция и учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, сорвавшие идеалистические покровы с пан-исламизма, пантюркизма и прочих видов буржуазно-реакционного национализма, показав во всей наготе их реакционную сущность.

В своем творчестве Абай ни шагу не сделал вместе с этим восточным «новаторством». В поэзии Абая чувствуются лучшие традиции древневосточной классической поэзии. В песнях любви («Козимнын карасы»), в лирическом раздумьи («Аманту окымаган кси барма»), в философско-моралистической поэме («Масгуд») видно несомненное влияние восточных классиков. Но это только внешняя стилизация. Новое идейно-художественное содержание, правдивость чувств, глубоко проникновенное ощущение жизни, конкретное, «земное» осознание мира вещей и человеческих отношений — у Абая бесспорно оригинальны и независимы от восточных образцов.

Даже те стихи его, которые касаются верований и внутренних убеждений поэта, не имеют ничего общего с

книжным учением мусульманской веры. Абай, рационалист и поклонник ясного критического разума, часто прямо отрицает официально проповедуемые догмы ислама. Религия для него — только условная основа человеческой морали, только повод для личного совершенствования человека. В группе стихов, посвященных муллам, фанатикам, распространителям ислама, или схоластикам, толкователям корана, Абай едко высмеивает их корыстную, притворную набожность и не стесняется называть их прожорливыми паразитами «с широкой глоткой коршуна, раздирающего падаль».

Таким образом и арabo-мусульманский восток входит в творчество Абая также отдельными струями, отобранными элементами. Восточное искусство и культура присутствуют в его поэзии не в своей неопределенной сущности, а переработанные самостоятельным мировоззрением поэта.

Сложно, оригинально и многообразно также обращение Абая и к европейской культуре. Принципиально предпочитая запад востоку, Абай прошел длительный путь самообразования, изучая русскую и западную культуру. Начав с Пушкина, Лермонтова, Крылова, он изучил и литературу шестидесятых, восьмидесятых годов, причем любимыми его авторами были не только поэты, но и великие русские прозаики — Лев Толстой, Салтыков-Щедрин. По русским переводам Абай знал Гете, Байрона и множество других западных классиков, был достаточно знаком и с античной греческой литературой. По свидетельству ссыльных его друзей, Леонтьева и других, Абай систематически занимался западной философией, Спенсера, Спинозой, интересовался учением Дарвина.

Творческий подход Абая к русской классике был различным в различные стадии его деятельности. Переводя Крылова, к которому он относился с ясной простотой, Абай слегка изменял дидактическую часть басен, перерабатывая их применительно к казахскому мышлению в новые сентенции. С огромной тщательностью и особенной любовью переводил Абай стихи Лермонтова. Из них «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека», «Парус», отрывки из «Демона» до сих пор остаются непревзойденными по мастерству перевода русских классиков на казахский язык. Совсем особое отношение было

у Абая к Пушкину. Переведенные им отрывки «Евгения Онегина» — скорее не перевод, а вдохновенный пересказ пушкинского романа. Пораженный правдивостью и высокой поэтичностью объяснений Татьяны и Онегина, Абай пересказал их историю, подчеркнув поучительность такого цельного чувства и приблизив эту любовь к пониманию казахской молодежи.

Пользуясь лермонтовскими переводами, Абай переложил на казахский язык ряд отдельных стихов Байрона и Гете.

Вся эта переводческая работа Абая, имея огромное значение для развития казахской литературы, показывает, однако, лишь непосредственную связь его с европейской литературой. Глубокое же и органическое влияние этой культуры и художественных традиций мы видим в собственном творчестве Абая. Несомненным итогом этого благотворного влияния русской поэтической культуры было смелое обогащение Абаем казахской поэзии новыми формами (Абай ввел 11 несуществующих до него стихотворных форм), новой тематикой, новым социальным содержанием, что дало резкое повышение качественного уровня казахской поэзии. И хотя Абай переводил Пушкина меньше, чем других русских классиков, зато в собственном его творчестве очень много сходного и родственного с Пушкиным — и в лирических раздумьях, и в понимании природы, и в проникновении в любящее женское сердце, и в глубоко значительных социальных мотивах. Абай сходен и близок Пушкину, как сходны и близки все классики мировой культуры, общими, родственными чертами великого поэтического духа, высоких порывов человеческой мысли. Своеобразный и самобытный классик казахской литературы, Абай близок к своим духовным братьям на западе, наследие которых он избрал, как лучшие сокровища мира. Так похожи и близки друг другу гигантские вершины, возносящиеся над равнинами и хребтами.

Только такая глубокая внутренняя связь с мировой поэтической культурой дала Абаю возможность создать песни о четырех временах года, его лирические стихи, его поэтические размышления, его стихи о назначении поэта, поэму об Александре Македонском и Аристотеле.

В стихах о четырех временах года Абай дает казахский пейзаж и быт кочевого казахского аула. Но в восприятии природы, во взгляде на этот своеобразный бы-

товой уклад, во всем поэтическом настроении — эти стихи насыщены особым, новым качеством мыслей и чувств поэта, небывалым в казахской литературе.

В стихотворении, посвященном поэту, Абай, противопоставляет низменной и косной среде, окружающей поэта, его независимость, правдивость, гордость и взлет его вдохновенной мысли. В этом Абай родственен в своих взглядах и с Горацием, и с Державиным, и, в особенности, с Пушкиным. Замечательно так же сходство мотивов творчества Абая и Салтыкова-Щедрина. Абай не писал художественной прозы, но в своих сатирических стихах, убийственно метких, желчно осмеивающих степных воротил — управителей, чиновников, биев (судей), аткаменеров, родовых старейшин, Абай художественно и политически близок к Щедрину, высмеивавшему царский строй в лице чиновничьей знати современной ему России. В одном из своих обращений к учащимся, Абай прямо называет имя Салтыкова-Щедрина как писателя, давшего верные портреты чиновников, насильников народа. Не случайными высказываниями, а всем содержанием своей поэзии Абай отрицает правительственный строй своего времени, и поэтому его одобрение и сочувствие русским классикам, выражавшим оппозицию правительству, имеет глубокую связь с его сочувствием к Шамилю и к Кенесары (вождю казахского восстания против царизма).

Широкое общение с европейской литературой значительно расширило творческий горизонт Абая. Поэтому мы находим в его поэтическом наследии поэму об Александре Македонском и Аристотеле, а в беседах его «Гаклия» неоднократное обращение к Сократу.

Абай оставил нам не только свою поэзию.

В его философско-критических и моралистических беседах «Гаклия» мы находим большое количество афоризмов. Мудрые, лаконичные, эти афоризмы давно уже вошли в обиход казахского литературного языка.

Абай был также талантливым и оригинальным композитором. Помимо многих стихов, посвященных песне и музыке, Абай создал около двух десятков мелодий.

Такой же новатор в музыке, как и в поэзии, Абай вложил в свои мелодии новое содержание и создал свой стиль, отличный от существовавших до него народных

мелодий. И в этом Абай проявил всю многогранную и оригинальную мощь своей творческой природы.

Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за культуру народа, трагический одиночка в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов, Абай был выдающимся человеком своей эпохи не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего востока.

Отыскивая свою «кааббу» не на развалинах ислама, как его современники, смотря не только на восток, а и на запад, Абай шел своей одинокой трагической тропой сквозь мрак и косность эпохи. В этих поисках он обрел свет и счастье, когда эта тропа вывела его на незарастающую народную тропу, к памятнику великого гения русского народа Александра Сергеевича Пушкина.

И пожалуй, первым, кто пришел с востока к благородному этому памятнику, был он, Абай.

Нашему взгляду Абай с его бессмертными творениями, вспоенными соками народной казахской и русской классической поэзии, представляется поразительным явлением прошлого. Горным ливанским кедром одиноко высится он в истории своего народа. Он взял все от многовековой духовной культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской культуры.

Это и создало справедливо неувядаемую славу Абая, как подлинного основоположника новой казахской литературы, как сияющей вершины казахской классической поэзии.

Мухтар Ауэзов

Для дитяти люлька — неоглядный мир,
Материнская грудь — необъятный мир.
Возмужаешь — тесен и степной простор,
Не больше кибитки — весь громадный мир.

1880

3 Абай Кунанбаев

33

Ранней зорькой, по снегу, охотник с беркутом на лов
 Выезжает, лисицу искать среди гор и холмов.
 Что наезднику надобно? Конь, ветроногий скакун,
 И одежда удобная, вплоть до застежек и швов.
 В рассыпном серебре отпечатки бесчисленных лап:
 Не пуститься ль немедля на поиски свежих следов?
 Статный всадник с беркутом следит неотрывно с горы,
 Как в долинах поют и звенят голоса гончаков.
 Так срывай бумагу и добычу орлу покажи!
 Пусть достигнет он рыжую в несколько мощных рывков.
 Как лиса ни петляет, спеша на вершину холма,
 Повелитель высот словно молния бьет с облаков.
 Но завидев крылатого, зверь припадает к земле, —
 Нет спасенья лисе, не уйти ей от смертных тисков.
 Мърду к небу задрав, скалит яркие зубы она,
 Словно сорок ножей, словно сорок зловещих клинков.
 Веселятся охотники, — дело подходит к концу.
 Гей, скачи, да не бойся! Гони по раздолью снегов!
 Хоть владыкою тварей орла называют не зря,
 Но лиса для беркута — отнюдь не из легких врагов.
 Восемь копий на лапах расправил беркут-богатырь,
 Он с добычи не сводит своих неподвижных зрачков,
 И, свища опереньем, он падает ей на хребет...
 Вот! Сцепились, меняя удары когтей и клыков.
 В поединок последний вступили орел и лиса,
 Двое яростных витязей, двое свирепых бойцов.
 И сражаются — хищник воздушный и хищник земной,
 Льют пурпурную кровь, для потехи довольных ловцов.
 Черен злобный беркут, свежий снег ослепительно бел,
 Лисий вздыбленный мех, как закатное солнце, багров.

Мир прекрасен, как женщина у водоема, когда,
Собираясь купаться, она опускает покров, —
Блещет тело нагое, но скован румянец лица
Смоляными кудрями, как звеньями черных оков.
И подобно тому, как невесту жених познает,
Опрокинув на спину, среди многоцветных покров,
Мнет лисицу беркут, сладострастно когтя под собой,
Словно жаркое тело подруги любовных пиров.
А покончив с лисой, на хозяина смотрит в упор
И гордится победой над рыжей царицей лесов.
Мол, она обладала шестьюдесятью и двумя
Утонченными хитростями, но орлиных бросков
Избежать не смогла и охотничий радует взор
Цветом красного меха и блеском его завитков.
Малахай надеваешь, кладешь насыбай под язык
И с добычей торопишься к дыму родимых шатров.
Если часто, как ягоды, ты добываешь лисиц,
Наслаждаясь удачей, ты счастлив всегда и здоров.
Записные охотники речи ведут меж собой
Лишь про ловли обильные, лишь про коней и орлов.
Нет забавы, невинней охоты с беркутом, и нет
Мне забавы милей в самом бренном из бренных миров!
Пусть значение этих бесхитростно-искренних слов
Станет ясным для всех пронизательных душ и умов.
Не постичь верхогляду вселенной безмерный объем,
Лишь с высокой горы открывается весь оком.
Ослепительный образ возникнет в сознании твоём,
Стоит вдуматься в слово, в значенье, сокрытое в нем.
Пусть жигиты читают и судят меня поделом;
Ты меня не поймешь, коль не любишь охоты с орлом!

1882

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан.
Он глазами лучистыми осиян.
Словно вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос ее — словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет ее щек румян?
Ожерельем жемчужных ее зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий ее — как дробь соловья.
В мудрой речи ее не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в ее подбородке съест изъян?

Безошибочен выгиб точеных плеч.
От гранатных грудей исходит дурман.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан!

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть — нежный младенец, что всеми ждан,
А смолистые косы — волнистый шелк,
Что для радости взора прилежно ткан!

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Столь доступны красавицы наших дней,
Что годам к восемнадцати желат, и вял,
И затискан гранатный налив грудей.

Лицемерны личины иных блудниц:
Добродетельней нет, мол, и нет святей...
Но немало таких, что всем напоказ
Щеголяют распушенностью своей.

Знаем скромниц мы этих, забывших счет
Удальцам, что недолго ждут у дверей.
Попадется ль бесстыжий грубый хвостун, —
И таких принимают девы гостей,

Хоть таким не сойти за честных людей,
Хоть такие к безделью всего склонней,
Хоть иной разглагольствующий жигит
Не дороже хвастливых своих речей.

1884

С юных лет мне чужд был знанья свет благой.
Видя благо в нем, я шел стезей другой.
Возмужал — наука из-под рук ушла.
Поздно ей раскрыл объятъя разум мой!
Кто повинен в том, что я теперь ни с чем?
Если б ей служил, то был ли бы такой?
Из людских отрад одну зовут: дитя.
Обучение детей — наш долг прямой.
Сына отдал в медресе — «Расстанься с тьмой!» —
Не затем, чтоб сын мой нажил чин большой.
Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии сравнился ль кто со мной?
Но такого нет, кто б оценил мой труд,
И давно я предпочел всему — покой.

1885

Вот и старость — скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален,
Мыслью не с кем поделиться старику,
Стал далек и непонятен людям он.

Жить на свете лишь однажды суждено,
Дням минувшим воротиться не дано,
Радость где-то остается позади,
Неизменно только божество одно.

Трезвым будь, учись владеть собой,
Лишь бездарный уживается с судьбой:
Нет в нем жара, мысли немощны его,
Прозябает он в покорности тупой.

Отвратителен лентяям честный труд,
Похваляются, что плутовством живут,
И всегда нечестного удел — позор, —
Разбивается не в год, а в день сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
По аулам праздно шляется иной, —
Что за стыд, кривляясь, время коротать!

Чужд невежде разум, ясный и простой,
Он скорей пленится выдумкой худой.
Ведь не всяк способен правду оценить, —
Верит глупый небылице лишь одной.

Чушью бредит — о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращением относится к словам
Аксакала, знающего обо всем.

Мудрый взором проникает в глубь вещей,
Волос расщепляет на сорок частей,
Он судья великий, он же и весы,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа, превозносит он народ,
Ближних изведя, над ними слезы льет,
Если повезет кому хоть раз,
Говорит он: господа любимец — вот!

Бедствует народ — и радостен шайтан,
Безутешной скорбью ангел обуян;
«Виноват» не скажет подлый, но скорей
К дьяволу переметнется в стан.

Хитрым мнит себя из подлецов любой,
По углам таятся, шепчут меж собой.
Разве можно злом добиться торжества?
Не себя ль толкают к яме роковой?

Всякий ли народом управлять рожден?
Зло с добром сравнять сумеет чей закон?
Волостным старается безмозглый стать, —
Подконец, как пес, поруган будет он.

1886

VAVAVAVA

Хоть мы уже старцы, хоть мысли печальны, — в нас жадность сильна.
Беда, коль пойдут наши дети за нами — судьба их страшна.
Не радость работы, а зависть и алчность вселились в сердца.
Не подвиг нам важен, не труд нам приятен, а мзда нам нужна.

Копейку последнюю бай вымогает: «Сторицей верну!»
И сотни услуг оказать обещает тебе за одну.
Судья и урядник с простого народа дерут без конца:
«Врага твоего за хорошую взятку в дугу я согну».

Бедняк на подачку бросается жадно: «Трудом отплачу!»
Орет избиратель: «Бесплатно тебя я избрать не хочу!»
А врач заявляет: «За низкую плату больных не лечу!»
Умри без лекарства, коль плата высокая не по плечу!»

И друг обирает: «Плати мне, приятель, ведь я не шучу,
Не то я с врагами, которые платят, союз заключу.
Коль ты не заплатишь, я полным разрывом тебе отплачу!»
Хитрец обещает: «Я хитростью участь твою облегчу.

Я в щелку любую для друга пролезу, я всюду словчу».
На десять коров — посягающих двадцать, кружится башка.
Минутами кажется, я от досады, как зверь, зарычу.

Зарезав барашка, людей ты сзываешь на пышный обед.
Отведавши мяса, податливей станет твой жадный сосед.
Как хищные вороны, тянутся люди к обильной еде.
За жирный кусок продаются и клятва и дружбы обет.

Ведь клятву никто не считает обузой: бесплотна она.
Сегодня — ты друг мой, а завтра — мой недруг, меж нами — стена.
И вот на меня ты бросаешься с рыком, как бешеный пес.
От злобы ко мне ты теряешь покой и лишаешься сна.

Начальник твердит нам: «Для выборов людям свобода дана.
Признаю любого: мне воля народа близка и важна».
Но то — на словах, а на деле немало мы пролили слез.
Никак угодить мы не можем начальству во все времена.

Там ловкостью часто похвастать стремятся, где подлость одна,
А скажешь об этом — мошенники злятся, и месть их страшна.
Бывает ли кто-нибудь в мире доволен своей судьбой,
Той долей, которая, волей господней, ему суждена?

Брат брата стремится упрятать в могилу, а дети — отца.
И злой этой жизни, бесстыдной, собачьей не видно конца.
Будь прокляты те, кто доволен и занят одним лишь собой,
Кто ради наживы продать не стыдится живые сердца,

Кто нагло ворует и лжет со святым выраженьем лица,
Кто губит, и лжет, и людей разоряет во имя мощны!
О боже, зачем ты вселил в человека нутро подлеца?

Душа, что клянется и лжет ежедневно, да сгинет в огне!
Да сгинет бесследно, кто честь продает наяву и во сне,
Кто горы сулит нам, чтоб вас половчей облапошить вконец,

Продав молоко немолочной кобылы по сходной цене.
Не зол я, но было бы очень приятно и радостно мне
Воочью увидеть, что сгинул навеки чванливый гордец.

1886

VAVAVAVA

Хоть любую добычу беркут берет —
Люди возятся с птицей других пород;
Лишь беркут к поднебесью взмлет, они
Пустельгу и ворона гонят в полет.
Ворон каркает, бьет крылом тяжело.
Пустельга от ворона не отстает.
Сами дичь не ловят, мешают орлу,
А хозяева скачут взад и вперед
И, любясь, как птицы дразнят орла,
Доупаду смеются, разинув рот.
И никто не скажет: «К чему это все?»
Хвалят этих пичуг всю ночь напролет.
Ты отрады и пользы здесь не найдешь, —
Забавляется этим глупый народ.

1886

О бедная моя страна,
народ казахский мой!
Обвисли жесткие усы
нечесаной каймой.

Пути добра не отличал
ты от стези дурной:
Одна щека твоя в крови,
румянец — на другой.

Посмотришь сбоку на тебя —
приятное лицо.
Но что же? Как у торгаша,
обманчив облик твой.

Ты не внимаешь мудрецам,
к чужим словам глухой.
Болтун снимает языком
всю жатву, как серпом.

Свое добро ты прячешь в клеть,
не смея им владеть,
И не смеешься ясным днем,
не спишь ночной порой.

Ты жадничаешь и дрожишь,
ты ходишь сам не свой,
То важно задираешь нос,
то никнешь головой.

Любая тварь стремится стать
хоть чьим-нибудь главой
Плуты позорят и чернят
достойный облик твой.

Боюсь, что верного пути
слепому не найти:
Народ мой, не умеешь ты
владеть своей судьбой.

Идет войной из-за гроша
на брата брат родной, —
То отнял бог у торгаша
и разум и покой.

Единства нет, и дружбы нет,
и проку нет ни в чем.
Редкют табуны в степях,
и веет нищетой.

За власть в роду ведут вражду,
За долю благ земных,
И нет согласия меж них —
от зависти слепых.

Народ мой, если ты, борясь,
не смоешь эту грязь,
Любой унизит честь твою,
и оскорбит любой.

Как мне надеяться на вас
печальной душой?
Бессильны вы преодолеть
и холмик небольшой.

Вы ненадежны, вы слабы,
вы робкие рабы.
Какая польза в суете
и в болтовне пустой?

Найдется умный человек,
но, будь он хоть святой, —
Вам лишь бы очернить его
бесцельной клеветой.

1886

Тот, кто заблудился, видит впереди простор пустой.
Он всегда к словам нечестным падох — и перед толпой
Все кичится, как богач, который сыт своим добром,
И нечистые дела творит он с легкою душой.

И шапан суконный, словно вылитый, сидит на нем,
И шагает он вразвалку, низко стянут кушаком,
Малахай свой загибает кверху он — для красоты,
До тех пор, покуда не облезет пышный мех кругом.

Никогда не мнется летом шапка белая его,
Палка у него в руке, не просто палка — волшебство.
В остов юрты палку сунув и повесив шапку, он
Нагло на стороны смотрит и не видит ничего.

Без труда узнать пройдоху по истершимся штанам,
Складки на коленях тшится пальцем он разгладить сам.
Много времени имеет он, как пленник, что всегда
Знает лишь одно занятие — облегчаться по часам.

Он сызмальства всем ровесник; балагурия, бродит он,
И хохочет, и гогочет, без причины возбужден;
Чуть заговорит — ужимок отвратительных не счесть;
Хмурит бровь, глядит надменно — до чего в себя влюблен!

Много есть у нас в народе праздных и пустых таких.
Что хозяйство им, что совесть? — только блеск пленяет их.
Все занятие их в бахвальстве, в бесполезной суете,
Не подумают о том, чтоб воспитать себя самих.

О скоте своем нимало не заботятся они,
Честного труда не зная, носятся за днями дни
На конях на запотевших по аулам взад-вперед,
Ухмыляются довольно, мельком лишь на них взгляни.

1886

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгуют медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб,
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремятся утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих,
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Не для всех открыта тайна чар моих,
И не всем по сердцу мой словесный дар.
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Нет, сияет слово ярко, как пожар.

«Псу алмаз не нужен», — мудрость говорит.
Поговорку эту знает и школяр.
Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль стар,
И прими как должно мой смиренный дар.

1886

УУУУУУУУ

Юность только одна — жизни счастливой цвет,
Но не надейся, что ты так и не будешь сед.
В юности только мы веселы и бодры,
Старость придет — и вдруг видишь, что счастья нет.

В юности дело нам: весело распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аулах ходить, нежно к девушкам лнуть, —
Лучшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь даром пустым сочтет —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Влюбчивым может быть жалкий лишь сумасброд.

Часто не о скоте думает молодежь.
Если искать забав, и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Нет к науке путей — и честный труд хорош.

Пиршество где-нибудь ждет — пышный берешь наряд.
На удалом коне прогарцовать ты рад.
Но похудеет конь, минет скоро почет.
Пусть же суетный пир наш не прельщает взгляд.

Сдержанность — вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Как увлекаться нам смехом, таким пустым!
Пусть же будет твоя воля всегда пряма.

Как ни велик твой пыл — не отдавайся ему.
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму, —
Будешь скитаться ты, хлеб выпрашивать свой,
Беспечность твоя вовек не приведет ни к чему.

Часто до гроба нас уродует щегольство,
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Вором может стать, нищим в лохмотьях тот,
Кто не может трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил с молодости отец,
Родичей нет, чтоб ум занял у них молодец;
Жаль годов молодых, ушедших на щегольство —
Уж не придется ль тебе раскаяться наконец?

Юношей уже нет, кто бы совет понимал,
И от напрасных надежд каждый смертельно устал;
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Скромные эти слова я для других написал.

1886

ЛЕТО

Лето — солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра;
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней, в траве,
Как в лесу, их найдешь не вдруг;
Тяжко дышащих кобылиц
В стойло, в воду загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь вокруг;
Стаи уток и лебедей
Осеняют крылами луг...
Ставят девушки юрты: смех
На лукавых губах подруг,
Четких, плавных движений ритм
И мелькание белых рук...
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул, —
Аргамак его резв и сух.
Гости в юрту его сошлись,
Бьет ключом из сабы кумыс,
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух.
Подговоренный пастухом,
Мальчуган осаждает мать,
Просит лакомства, врет за двух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры;

Над его самоваром — пар,
Словно облачка белый пух.
Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух,
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг.
С палкой, в белой рубашке, сед,
Аксакал издали спешит,
Он кричит: «Поверни стада!
Сторонись, не пыли, пастух!» —
Может баю придет каприз
Пригласить к себе на кумыс
Раболепнейшего из слуг.
Вот — табунщики, на лихих
Необъезженных вороных:
Утром сели они в седло,
А теперь уже день потух.
Вот охотники вдоль реки
По вечерним лугам спешат,
С каждым — сокол, как верный друг.
Ловкий хищник уходит ввысь
И разит, — и седых гусей
Гонит вдаль от него испуг...
...Аксакала томит недуг,
Жизнь прошла — не вернешь назад:
Байским шуткам издадека
Вторит старческим смехом он...
Только бай к его смеху глух.

В интернате, за годом год,
Много учится наших детей.
Смотришь — гибче пальцев они
И ветвей молодых свежей.
И родитель каждый твердит:
«Мой сынок, с ним спорить не смей,
Все законы знает уже!»
А на деле — плох грамотей:
С шариадом едва знаком,
Русской грамоте уйму дней
Отдает, не жалея сил.
Для чего? Чтоб строчить потом
Кляузы для разных людей.
Алчному свой карман милей
И поближе, чем правота.
Он не скажет, что жить трудней.
Коль в народе согласия нет.

Будь настойчив, себя не жалея —
И познания приобретешь.
Если знания твои не густы
И народ надуваешь ты —
Грош цена всей жизни твоей!
Русские ведь говорят
Не об одном лишь дурном.
Сам ты с кровью дурной, хочешь сам
Быть пройдохой и хитрецом, —
А винят лишь русских людей.
Кто же — Семипалатинск виной
Иль наши раздоры? Сумея
Разобраться в этом верней!
Ведь в пример не ставит никто
Ни Толстого, ни Щедрина,

И у всех только мысль одна:
В адвоката¹ иль толмача
Превратиться как можно скорей.

Если в ком есть хоть капля ума,
Тот поймет, что горечи нет
В том, что я говорю сейчас.
Кто же должен давать совет,
Как не старший? Кому быть умней?

О наживах не думай ты,
О познаньях думай своих,
Книги ревностно изучай,
Никогда не чурайся их.
Не ищи военных чинов,
Чтобы хвастаться каждый миг,
Галунами украсив мундир.
И служак сторонись таких,
Как начальник уездный, ты.
Разве дело терпеть, чтоб везде
Из-за уймы причин пустых
Попрекали, бранили тебя?
Ведь никчемного лишь удел —
Быть безропотным, спину гнуть
Под ударами взглядов злых.
За гроши продают себя,
Занимаются, не любя,
Разным делом; путей иных
Не найдут никак; но ищи
Пусть далеких, но верных их.
Лишь прилежному — счастье блеснет.
Или ты до волос седых
Проживи достойно, иль ты
Баям будь слугой, каждый миг
Суетись, о покое забыв,
И живи кое-как меж других.
Если это тебе по душе,
Не чуждайся путей таких.
Для неправды найдется закон,
Чтоб судей околпачить дурных.
Не уездный начальник — судья,
Чтобы в правду верить; святых

¹ Так в подлиннике у Абая.

Меж судей не найдешь вовек
Или смело на риск пойдя,
Ни перед кем не сгибай спины,
Но не думай, что это легко:
Нужен разум, знания нужны,
Чтоб не сбиться с путей прямых.

1887

УУУУУУУУ

КОЖЕКБАЮ

Если в дальнем, в чужом краю
Есть ревниво чтимый тобой
Друг, с которым делился ты
Тайной думой, тайной мечтой, —
Не изменит ли дружбе он
Стародавней в тот день, когда
Ты унижен будешь судьбой?
Не откроет ли недругу он
Дум твоих сокровенных строй?
Станет, злобой лютой кипя,
Недруг твой поносить тебя,
И о дружбе забудет он,
Похвалять его будет он:
«Молодец! Вижу сила есть!»
А когда увидит тебя,
То святыми клясться начнет:
«Мол, и правда — лукавил я,
В дураках, мол, оставил я
Злого недруга твоего...»
Этот друг всю истреплет честь.
Увиваясь кругом тебя,
Предавая тайком тебя.
Сплетен, козней его не счесть.
Злому недругу скажет он.
Что не раз тобой обойден,
Всюду сети он будет плесть...

Недруг тайный — частенько тот,
Кто к прославленным людям вхож.
Схватят беды за горло, — он
В ногу вцепигся, не оторвешь...

Разглагольствует он в дому, —
Пустота, словоблудье, ложь;
После, в сторону отойдя,
Он на ближнего точит нож.
А враги налетят гурьбой, —
Никого бок о бок с тобой.
Увильнет он: «Мол, что могу?»
Выйдет и наклеветет так,
Что не выдумать и врагу...
Пресмыкаясь, он кое-как
Год за годом тянет, мозгляк,
Предает на каждом шагу...
И, злопамятный к ближним всем,
Он — как маленькое дитя,
И добро отличить от зла
Он не в силах башкой своей...
Ближнему не поможет он,
И врага не уложит он, —
Как понять, как постичь ему,
Где меж трудным и легким путь?
Если тяжко тебе, и друзей
Нет вокруг, — первый крикнет он:
«Скинь его с коня поскорей!»
А случится с тобой беда,
Сторониться начнет тебя,
И — причин не найти пустей!
Хочет жить он своим умом,
Ходит — нету его важней;
Станут лучше твои дела —
И нахлынут со всех сторон
Доброхоты, пойдет хвала,
Загадят: «Того мы побьем,
А того попадим огнем!..»
Если плохо — он гнется дугой,
Хорошо — забушует пургой.
Этим нет батырам числа;
Если слушаться будешь их,
Не отстанет никто ни на шаг;
А попробуешь гнуть свое —
Лютым недругом станет всяк.

Из родных сердцу кто-нибудь мил,
Но врагов с кем из них ты крушил?
Если дождь — на груди лежат,
Если ведро — на шее сидят.
Груз такой без конца тащить —
У любого не хватит сил.
У почтенных людей в дому
Сидя, сродники день-деньской
Краснобайствуют, верещат...
Если кто прикрикнет на них,
Задрожат и потупят взгляд.
В шутках тяжеловаты они,
Пред врагом трусоваты они,
Мстят тихонько из-за угла
И немолчно шумят, галдят.
Неучтивы они; их нрав
Отвратителен, и полны
Гордости смердящей, и все —
Пустоболты и хвастуны,
И почтенных корчат людей.
А скарежат кого в дугу, —
Похваляются: мол, сильны!
Если же нехватает сил,
То на родича свалят все.
«Никакой, мол, за нами вины!»
Нет почета к ним в чуждых сердцах.
У врагов — нечем вызвать им страх.
Дай хоть малость волю таким,
И не хватит им целой страны!
Шутки — плоские, ругань — слова,
Никакого не знают стыда,
Духом нищи, коснеют года
В жалком самодовольстве своем.
В родичах никчемных таких,
В них какую отраду найдешь?
Не опора для сердца они!

Об учтивых добрых речах
Позабыли люди, молчат...
Неужели забыли все?
Друг на друга псами глядят...
Занялись кто едой, кто питьем.
А о деле — ни слова кругом
Хоть один бы в тучах просвет!

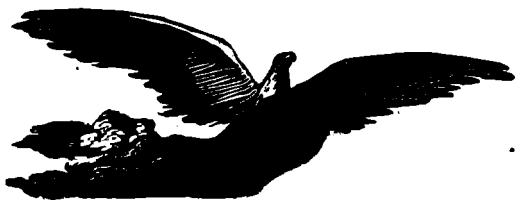
Хоть один бы оазис был!
Многомудрых суждений нет,
Шопотком говорит весь свет.
Собственную блюдя корысть,
Тьма ходатаев норовит
Приумножить народу бед.
Нет людей, что сплотили б народ;
Бий бездельничает сколько лет,
Полушопотом наговорясь,
Подкрепивши деньгами связь,
Добивается он всего.
Если русские съезд созовут,
Волостной обирает народ,
Бий голодный и плут-старшина
Тоже малость в карман кладут.
Если в сборище русских нет,
Надрывайся — никто не придет,
Справедливым решеньем никто
Своего добра не возьмет.
А радетели бедной страны,
Слов дешевых опекуны,
Эти нынешние дельцы
Твердят «завтра!» за годом год.
А приходит пора вести, —
И людей средь них не найти,
Стыдно им показать лицо,
Спину гнут они все в кольцо.
Дела начинают ползти.

Тобыкты — в раздорах крепки,
Умножают дельцов полки,
Всяк желаньем одним томим —
Поразиться чужим. В тиски
Взят кругом казахский народ,
Он повергнут во тьму невзгод,
Торжествуют везде мозгляки,
И беде не в силах помочь
Многоопытные старики.
Тьма людей из других родов,
Извераясь столько годов,
Опустила руки с тоски.
Даже все сбежали купцы,
Не собравши долгов своих,
И слоняются там и тут

Бесприютные — много их.
Толстопузые холодны к ним.
Веры нет в людей простых;
Нет конца барымте. Клятва есть,
Но давать ее стоит едва ль.
Нет страны — и одна только честь,
Что осталось название «народ».
И поныне нет никого,
Кто имел бы стыд и печаль.

1887

Стихи — жемчужины меж слов, в них блеск владык.
Творить из хаоса миры мудрец привык:
Да веселят они сердца, да нежат слух,
Да будет ими упоен и горд язык.

Стих, не взыскательный к словам, — лишь тлен и хлам.
Собой убожество певца он выдал сам.
Но многим ли дано постичь усладу слов?
Средь слушателей и певцов — простор глупцам.

Зато в словах «Аят», «Хадис»¹ — пей каждый слог!
В них первозданность, и они — стиха залог.
Не будь великолепия в них и красоты,
Ужели б выгрел их бог и рек пророк?

Читает проповедь свою старик-мулла,
В ней слиты возгласы святых, скорбь и хвала;
Стремился каждый богослов по мере сил,
Чтоб форма лучшая из всех их облекла.

Заложена любовь к стиху в нас исстари,
Но все ж избранничества сан лишь тем дари,
Кто слово льет, что серебром горит извне,
А золота чистейший сплав таит внутри.

Припомним биев тут, чью речь с давнишних пор
Пленил пословиц пестрый рой и притч узор.

¹ Аят — слово бога. Хадис — слово пророка.

Акын же прежний был горазд счесть за стихи
Лохмотья мысли, стертых слов пустой набор.

С кобызом влившись в гушь толпы, с своей домброй,
Он песней лживо славил всех, он льстил игрой!
Аул меняя на аул, он — кланчить рад —
Словесной щедро вокруг себя сорил трухой.

Он, сердце запродав, сдавал язык в наем,
Одна лишь страсть — алчба к скоту — горела в нем;
На брюхе среди родов чужих он к баю полз,
Чтоб подлым отщепенцем стать в роду своем.

Он перелетный свой излить стремился пыл
Лишь там, где нюх его прельщен подачкой был, —
И осквернился ложью той казахский стих.
И рвенье к слову, жар к стиху казах забыл.

В напыщенности бийской петь я не хочу,
Не тож акын я, что, юля, льстил богачу.
Слова новы, и, внемля им, переродись!
К тебе певуче стезей теперь лечу.

Когда б восславить я хотел, как встарь иной,
Набег батыра-удальца, размах степной,
Завороженный, ты б ловил мой каждый звук,
В восторге замер бы ты сам передо мной.

Но мудрость лишь незванный гость здесь на земле;
Привольней людям вековать во эле, во мгле...
Так не суди меня за то, что я стихом
Проныр чванливых и невежд предам хуле.

Такие, наспех сочетав ель с тростником,
Спешат жирнейшим завладеть зато куском.
Что им — стяжательства рабам — до красоты?
Из тысячи просвет найдешь едва ль в одном.

Такие влюблены в обман да в барымту,
Такой польщен, коль приравнишь его к плуту;
Создав шумиху, под шумок такой спешит
Наусыкать бая на других, вопя «ату!»

Никто не жаждет черноты омыть позор,
Ничей ни в глубь не устремлен, ни к выси взор,
Но каждый, совесть позабыв, и стыд, и честь,
Взбивает, как верблюжью шерсть, злословья сср.

1887

ЗИМА

(Мороз)

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает в степях, снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнет — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюдо,
И тогда шестискладная юрта¹ дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безутешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — спутник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не поспав, не умрешь, надо быть посмелей!
Все же лучше, чем волк — Кондыбай и Конай².
Деду мы не дадим пировать средь степей!

1888

¹ Остов юрты состоит из 6—7 разборных решетчатых стенок.

² Соседние аулы.

Родич умрет у кого, траур по нем глубок:
Сердца в родной груди кровоточит клубок.
Слезы тогда текут горестною рекой...
Разве не песня в русло скорбный введет поток?

Дочери дав жениха, устраивай свадебный той;
Проводы справь: склонны люди к забаве той...
Чти бет-ашар и жар-жар¹, за обрядом верши обряд;
Разве без песни сверкнет кынаменде красотой?..

Сын ли родился, — всю ночь длится шильдекана.
Звонкая песня и здесь — желаннейший гость она!
Не отрекайся от притч и от бийских пословиц ты:
Много достойного нам сберегла старина.

В мир ли приходишь ты, песня встречает в дверях...
В землю ль отходишь ты, песня напутствует прах...
В радости каждой твоей пестует песня тебя.
Вдумайся в то, не скользи поверху, вертопрах!

Часто не только что петь, не умеешь внять голосам,
А иногда и поешь — да не чувствуешь песни сам.
Смолкнуть ли и другим в угоду твоей глухоте?
Что же артачишься ты, мешая упрямством нам?

Из драгоценнейших слов мастера заплетают стих;
Все обаянье стиха — в сочетаньи уместном их.
Если ж и мысль верна, и певучи слова,
Кто их отвергнуть дерзнет, кто ополчится на них?

¹ Бет-ашар, жар-жар, кынаменде, шильдекана — названия обрядных песен.

Слов не почувствует, знай, пресыщенный олух-богач.
Льнет к вдохновенному тот, кто душой от рожденья зряч!
Но и ценителю все ж не навязывай песни ты,
Пристальный час улучи и до времени пыл свой прячь.

От подношений себя и от всяких даров отреши:
Песня — сама по себе воздаяние для души.
Только достойных любя, неустанно следи, певец,
Чтоб не могли замутишь песню твою торгаши.

Истых ценителей ты в разношерстной толпе не найдешь.
Лучше молчать пред людьми, чем посмешищем сделаться все ж.
Песне внимала ль когда благоговейно толпа?
Ей бы судить да рядить, перекрестный подняв галдеж.

Вот погляди: Шортанбай, и Бухар, и Дулат¹...
Сколько в стихах лоскутков, и пустот, и заплат!
Кто, если б люди и впрямь понимали в искусстве толк,
Не укорил бы стиха, что изъянами столь богат?

Истины сеять зерно я хочу и крылить язык,
Чтобы не только в глаза, но и в души чтоб свет проник.
Пусть же берет молодежь достойный пример с того,
Кто не унижит стиха, кто в нем высшую мудрость постиг.

1888

¹ Имена поэтов, предшественников Абая.

УАУАУАУА

Креплюсь, а в сердце — боль и мрак.
С кем ни толкуешь — гадок всяк.
Вчерашний друг — сегодня враг,
Не угодишь ему никак.

В семье он грозен, как поток,
Гремя спадающий в овраг.
Но вот заговорил с людьми —
И оробел, поник, обмяк.

Скажи мне, что с тобой, батыр?
Домашний пыл, как пыль, иссяк.
Но стоит распустить аркан —
И заартачился сырак.

Придет беда — ты лебезишь,
Ко всем ты ластишься, червяк...
Но успокоится душа —
Ты глух и нем, ты всем чужак.

Ты плут, ты стянешь на ходу
Из-под наездника чепрак.
Братъ у других — рука щедра,
А отдавать — ты бос и наг.

Ты сотню выдумаешь тяжб,
Ты самый ловкий из сутяг.
Но подконец такой, как ты,
Не сам ли попадет впросак?

Не хлопай дверью, уходя.
Вернется к ней твой мягкий шаг.
Влечет к себе и богача
Чужой приветливый очаг.

1889

КУЛЕМБАЮ

Наконец волостным я стал,
Все добро на взятки спустив;
Без горбов — верблюды мои,
У коней — не осталось грив,
А волостью управлять
Не сумел, хоть, кажись, ретив...
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят,
Еле слушаю — вял, сонлив...

Близок съезд! Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив¹.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам — чуть жив.
В один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился — срок-то ведь мал,
Сердце, будто бы молот, бьет,
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждет,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный примчит вот-вот!...»

¹ На съездах производились выборы волостных управителей из числа богатых кулаков. Выборы проводил русский уездный начальник.

Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, честной народ,
Оправдать я доверье готов,
Если милость господь пошлет...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле — наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Всех ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг, —
Похваляюсь. — Уездный сам
Верит в правду речей моих. —
Я подмигиваю: — Мол, ему
О сомненьях твердил больших...»

Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих,
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...
Но недолго длилась борьба,
Убедили одних; других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг,
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, —
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.
Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа:
Голосят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, —
Кто бедняжку станет жалеть?

Я сил не щажу своих,
Я скачу с зари до зари,
Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат,
Отпустил я совсем повод...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, --
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа,
Расстегнул я ворот, жара,
Прохлаждаюсь — хватит труда!

Управитель исправный — он
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям — беда...
А, бывает, народ строптив,
И уездный в гневе, — тогда
Ноги попусту бьешь весь день,
Пролетая туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош;
Мой характер — он как когда...
И хоть знаю, что скромным быть —
Добродетель большая, но все ж
Не придерживаюсь ее.

После съезда народ кругом
Прибираться начинаю я,
Сперва полегоньку, тишком,
Против сильных не говорю;

Их не тронув, я день за днем
Безобидных траваю, но чуть.
При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, —
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольствуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком
Никого не зову, сердясь...
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, — твержу, — незнаком
С грязными проделками я,
Да и хитрости нет притом...»
Пропадом пропади они, —
Знаю: путь мой колюч и остер,
Что за прок мне от них, когда
Чуть не каждый обманщик и вор.
Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь — стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...¹
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?

О родные советники, вам
Сказать я хочу в упор:
Тюрьмы множатся, что ни год;
От хулы прохудился почет...
Мой от горести меркнет взор —
Я не в силах народ держать.
Почему ж на такой позор
Падок я? Стал строптив народ!
Все мерещится — донесут...
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный — возьметса он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам.

¹ Выборы волостных управлений происходили
баллотировкой шарами.

И под суд я пойду, как вор,
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор...
Все эти плуты — они
Сами выберутся ль на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что бывало встарь!
Управителя скользок путь —
Нынче всякий поклеп идет
На внимательнейший разбор.
Твой собственный может донос
Тебя погубить; найдут
Ложь, неправду; начнут допрос,
Подсчитают проступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть,
Покуда еще не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть!

1889

Управитель начальству рад, —
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почете тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на шапан кладет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесен,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привез гонец.
Но в известии том — беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдет это счастье впрок.
Только малый ребенок рад,
Коль получит вкусней кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Всех, кто сам позабыл про честь
И хвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнешь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Будь подалее, коль ты с умом,
От тщеславных пустых людей.

Не научишь глупцов пятерых,
Коль десяток прибавишь к ним, —
Нет плохого в делах твоих,
Если сам не пойдешь ты к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!»
И вразвалку, гордясь, идет.
Так и блещут глаза его,
Коль, вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он все равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

1889

ВОСЬМИСТИШИЯ

Он манит-зовет,
Он из сердца бьет,
Завораживает навек;
Мудрой песни звук,
Разносясь вокруг,
Дикой лани ломает бег...
В сто изгибов язык живой,
По душам потоплукуй со мной!

Твой узор цветной
Не расшить иглой
И не вычеканить клинком;
Знатоку — алмаз,
А невежде — страз;
Блеск дневной — слепцу незнаком.
Не труди языка и губ
Для бесчувственного как труп.

Он лишен ума,
В скудных мыслях — тьма,
И чванлив и беспечен он.
Пусть глуха, слепа,
Пусть груба толпа —
Он, как раб, толпе подчинен,
Духом слаб, погружен во тьму, —
Ничего не придумать ему!

Кровь кипит в тебе,
Об его судьбе
Сокрушаешься ты — но нет!
Сердцем будь смелей,
Тверже будь камней,
Дать попробуй таким совет, —
По обычаю своему,
Не дослушав, впадут в дрему.

В уголках глухих —
Разговоры их..
Глухо шепчутся без конца..
Жди от них беды;
И всегда чужды
Мыслям сына мысли отца.
Их слова — бесполезный блуд
И ничем души не зажгут.

Сплетни множат они,
Ложь плодят искони,
Наслаждаясь превыше мер.
Похвалиться везде,
Радоваться беде —
Вот их жизнь, вот символ их вер!
Мысли ясная глубина —
Их вовек не займет она!

Кротким будь всегда,
Не чурайся труда;
Празднословья дух изгони
И забав пустых
Сторонись, — что в них?
Впрок пойдут ли тебе они?
Если трудишься, не лентясь,
Будешь сытым ты каждый час!

С юных лет трудись,
Сеять хлеб учись
И достаток приобретай.
Приумножишь скот —
Урожай придет.
Говори, что жизнь — это рай!
Если ты, казах, не найдешь
Друга-брата в казахе — все ложь!

Скромн будь — ни в спесь,
Ни в раздор не лезь;
От врагов свой скот защити;
Властолюбье, ложь,
Воровство, грабеж
Пусть исчезнут; добра не жди;
Да проснется совесть в сердцах,
И в поступках людских, и в речах!

Годы праздных нег
Дух мертвят навек, —
И, затеяв напрасный спор,
Другу став врагом,
Ты себя кругом
Обрекаешь на смерть и позор.
К небу прет поклепов гора, —
Не раскаяться ли пора?

Кто принес с собой
Праздность и разбой,
Кто так страшно вас развратил?
Человека ль нет,
Кто б от этих бед
Отвратил, не жалея сил?
Попривыкнешь, потом — хоть плачь!
Тут привычка твой же палач.

Как скорбит мой дух!
Гнет его недуг, —
Голова моя, как в тисках,
Словно сталью грудь
Сжата — не вздохнуть,
И горючие слезы в глазах...
Всем натешась, печаль тая,
К тлену тянется жизнь моя!

Нехватает сил,
Жар былой остыл, —
Нет конца пути моему...
Дней прошел поток,
Я увял, поблек,
И гордыня теперь — к чему?
Слаб я, тухнет во взорах свет,
Поздно в путь... Но исхода нет!

Сумрачен и суров,
Среди тысяч лжецов
Я без сил, я один стою...
Пыла прежнего нет,
Среди всяких сует
Проворонил я жизнь свою.
Ах, бесплодны мои дела —
В унижении жизнь прошла.

Каждый корчит судью
И ученость свою
Хочет выставить напоказ.
Коль народ у ног —
Он сидит, как бог,
Униженьем его гордясь.
Ненавистных — в дугу согнет,
А угодных — к небу взнесет.

Пусть народ дрожит,
Ну, а ты скажи,
Чем гордишься, делом каким?
На тебя народ
Молча смотрит, ждет,
Ты ревниво следишь за ним.
Если баба блудит, хитря,
Честь ли мужу стеречь ее зря?

Нет в глазах огня,
Ты стоишь, стена,
Досмотреть не в силах, смущен.
Тот, кто другом был,
С кем ты мысли делил,
От тебя отвернется он.
Этот вор, этот злой хитрец
Победит тебя наконец.

Кровью обагрел,
Подымается он;
Чтобы спину снова сгибать, —
Падаешь и встаешь,
Пробирает дрожь,
Но стремишься все же опять.
Где ты, совесть, и где ты, честь?
Что за польза в том, бог весть!

Пес брехнет — и вслед
Мальчик малых лет
С палкою помчится, сердясь, —
И родные в лад:
«Стыдно, брось! — вскричат, —
Шалунишка, уймись тотчас!»
О, проверь дела и мечты,
Не мальчишкой был ли и ты?

Перед мудрецом
Путь лежит кругом, —
Было б время изведать, познать,
А невежда-слепец
Прозябает вконец, —
Поразвлекься, поесть, поспать.
Так проходит за годом год,
Но судьба моя — тоже не мед.

Полон юных сил,
Я весь мир исходил,
На две стороны зорко глядел,
Знаний жаждал — но
Было все полно
Тьмы, невежества, грязных дел.
Ухватись за борта двух судов,
Если гибель принять готов.

Я с вершины скал
В мир слова кричал,
Эхо отвечало вдали.
Тех, кто мне отвечал,
Я годами искал,
Волочась по лицу земли.
Те же скалы передо мной,
То же эхо — отзвук пустой.

Пешие позади,
Конные впереди,
Кто ж поймет тебя, воротясь?
Боль моя крепка,
Как огонь — тоска,
Пусть же льются слезы из глаз...
Разве можно не плакать мне,
Если весь я горю в огне?

Не уснуть ни на миг,
Камнем стал пуховик,
И терзаньям потерян и счет.
И, довольный собой,
И своей судьбой,
В слепоте прозябает народ.
Ложь преступная там и тут,
Душу запросто продают.

Десять родичей есть,
А друзей не счесть, —
Одиночеству нет причин.
С каждым, насторожась,
Говорю сейчас,
Но не в силах понять ни один
Как могила шамана, я
Одинок — вот правда моя!

1889

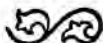

Если в душе твоей светят лучи,
Ты ко вниманью себя приучи,
Если же в сердце безрадостный мрак,
Зря над строкою моею не торчи:
Ты не осилишь ее, не поймешь,
Сколько ни бейся и ни хлопочи,
Сколько тебя от бельма ни лечи.

Будет топтаться толпа без вождя,
Словно ребенок в беззвездной ночи.

Мирные страны, как царство озер, —
Бьют с берегов молодые ключи,
Нежно и робко шуршат камыши,
Ветры не резки и не горячи.
Мчатся притоки к озерной воде.
Светлые волны богаче парчи.
Скот потучневший пасется вблизи;
Много на пастбище вкусной еды.

Страны, где грозно сверкают мечи,
Хуже болота. Над ними сычи
Ухают глухо. И стелется мгла,
Люди болеют, и, как ни лечи,
Скот погибает от горькой воды.

Сколько ни бейся, ни злись, ни кричи,
Ходит он вяло по вязкой земле.
Здесь не спасут никакие врачи:
Выбрал болото — болей и молчи.

Есть в единице значение свое.
Мчатся за нею нули-лихачи.
Цифра один проживет без нулей,
Ну, а с нулями, хоть громы мечи,
Те же пожнешь ты гнилые плоды.

Лучше без нужды меча не точи:
Мир — это высшее счастье страны.
Право, и веру, и честь не топчи,
Внемли разумному слову певца
И для труда рукава засучи.

1889

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,
Для молодых — я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
Все то, что скрыто, стих раскроет мой —
Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой.
Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой.

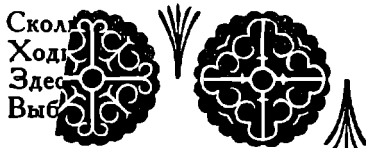
Али-азрету не слагаю гимн¹,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову,
Не говорю жигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли, —
Прошу: прислушайтесь к словам моим.

Родятся из барымтачей — лгуны,
Бездельники рождаются, болтуны,
Без разума, без дома, без скота;
Все знают их, и всем они видны.
Навек замолкни лучше ты, мой стих,
Если тобой они восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
Пускай слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернешь назад.
Что в людях доброго, скажи, таких,
Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

1889

¹ В этих строках Абай высмеивает поэта Кокбая, который, главным образом, воспевал потомков Магомета и его батыра — святого Али.

Е,
М
Ц
Г
Г
Г

Развееется черная пелена.
Затмится, погаснет во тьме и луна —
тебя не найду никого на земле.
вернулась, а ты равнодушья полна.

найдешь ли, иль прошлому будешь верна,
моей жизни тебе до конца отдана.
...о снесу я любую насмешку твою,
Любую обиду покорно я выпью до дна.

(Год неизвестен)

Беззаботные, с пира на пир торопясь,
Мчались далями, ветра вольней;
На сафьяновых седлах — узорная вязь,
Перья филина — в гривах коней.

Горе ждет? Не дождет!
Ищет смерть? Не найдет!
Вперед!

Есть отец и мулла... Только что их слова?
Не помогут ни слово, ни плеть.
А в гульбе чья же думать могла голова,
Что придется об этом жалеть?

Не тужа ни о ком,
Пели-пили тайком
С дружкой.

Через силу смогли наизусть задолбить
Пару первых страниц букваря,
И ушли от муллы, чтоб немедля забыть
То, чему и учились-то зря...

Юность — нет ей цены!
Были все влюблены,
Пьяны.

Юность! Модное платье, да конь-аргамак,
Да байга, чтоб лететь напоказ,
Как зарница, стрелой золотою сквозь мрак
Темнокарих девических глаз.

Где, кого полоним?
Вон — курган, что за ним?
Поглядим!

И — женились. Делили хозяйство с отцом.
Всё, как будто, начало пути,
А посмотришь — оно обернулось концом:
Счастье, молодость — все позади.

Ходишь, ищешь, зовешь, —
Может, юность вернешь?
Ложь!

(Год неизвестен)

Разум льду подобен; он ясен, остер,
Сердце жарко пылает, словно костер.
Коль терпенье и страсть подвластны тебе, —
Волей ты победил их, настиг в упор.

Чувство, волю и разум сведи в одно,
Лишь тогда величье тебе суждено.
Друг без друга они цены лишены,
И безвольное сердце, поверь, смешно!

Нет ни гнева, ни радости, ни ума,
Ноет сердце, постыла ему тюрьма.
Разноречье трех сочетать умей, —
Этой мудрости учит нас жизнь сама.

Два пути я знаю: любовь и страсть.
Лишь над плотью похоть имеет власть.
Я ж тебя полюбил. Будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть!

Ты — мой разум и воля. Ты — ясный свет!
Озари души моей темный бред.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же всем мила, и милее нет.

Я невольник твой, царица-любовь!
Лихорадкою ты накаляешь кровь.
Улетит надежда — тело, как лед,
Прилетит — и сердце пылает вновь...

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойден своей судьбой.
Аллах мой, как я слаб!
Рази — покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я,
Сердце сжег тоской,
Сгорбилась спина моя.
И тело — как в огне,
И кости в тягость мне.

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издалека,
Милая, не шлешь вестей.
Обетов верных нет, —
Зачем же светит свет?!

Если б к ней могла
Долететь моя мольба,
Стала бы светла
Хоть на час моя судьба.
Я знал бы: в этот час
Мысль общая у нас.

1889

Ах, что за жребий ждет меня?
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, —
Глядишь вокруг,
Ища других,
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди — душа моя в огне...
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пес, —
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придет, таясь,
Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще, дыша,
Живет душа,
А вот — другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг — живешь,
А нет — так что ж?

Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета — уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи, хоть далека!

Коль сердце верное — оно
Идет, не думая,
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.

Судить умешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекнет, —
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, —
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелен.

Твой взгляд — ведь мне ни разу
Не подарил огня.
Ты не вернулась и, меня
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велед аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.

Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — бог судья тебе.
Но знай: никто в своей судьбе
Не волен; твой неверный шаг —
На справедливости весах.
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня!

1889

ОБРАЩЕНИЕ ЖИГИТА

Красавица, привет тебе,
Моей любви, моей судьбе!
Вот — дни тоски и слез, гляди.
Вот — жизнь моя, возьми себе.
Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не увидит свет;
Одной тебе моя любовь,
Одной тобою мир согрет.
И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;
Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;
И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет
Не смогут остудить во мне
Твоей красы горящий след.
На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,
Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;
В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них
И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.
Тобой насытиться нельзя, —
По телу твоему скользя,
Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.
Мы — вместе... Юрта нам мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...
И все ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела,
Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.
Приди, приблизь свиданья час,
О мой фазан, позволь хоть раз
Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, —
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Они горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, чтоб унижать,
К себе насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!

Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой

Но если ты навеки мой, —
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пускай травинкой полевой,
Тростинкою береговой
Я под тобою изогнусь,
Замру от страсти огневой.

3
/

Обдумала ответ я свой
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой.

Пусть каждый — юный и седой —
Запомнит мой ответ простой,
И сложит песню, и зажжет
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

Жгут тяжелой косы — в руку толщиной.
Серебро в косе — звенят шолпы¹ в тугой.
Бобровая шапка, черная коса, —
Ты видал красавицу с такой косой?

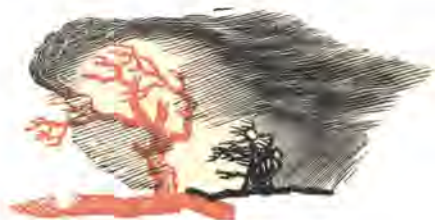
Посмотришь в зеркало очей дорогой, —
Загорится сердце, будешь сам не свой.
Белотела, лицо — всю бы жизнь глядеть!
Ты видал красавицу красы такой?

Стройный стан, тонкий стан, легкая нога, —
Красивая девушка всем дорога.
Как спелое яблоко, я бы сорвал
Желанную, что прекрасна и строга.

Невзначай коснись руки ее своей,
Кровь по жилам твоим побежит быстреей
Приблизिшь лицо к милому лицу —
Умереть захочешь на груди у ней.

1889

¹ Ш о л п ы — украшения из серебра, вплетаются в косу.

ОСЕНЬ

Неприветливы тучи осенней порой.
Ложится на землю туман сырой.
Резвясь или с холоду окоченев,
В степи разыгрался табун молодой.

Словно выжжена степь. Ни тюльпанов, ни трав...
Не слышать быстроногих ребячьих орав.
Как иссохшие старцы, стоят деревья,
Листок за листком всю красу растеряв.

Время шкуру овечью закладывать в чан;
Истрепался чекмень, износился шапан.
Нить за нитью старухи прядут и прядут...
А молодки на юрту заплаты кладут.

Потянулись на юг косяки журавлей;
Люди едут за хлебом с кочевки своей;
По аулам — уныло, ни игр, ни забав,
Только ветер гудит все слышней и слышней.

Жмутся дети друг к дружке, угрюмый старик
У костра над потухшей золою поник.
Все обглоданы кости; голодные псы
Пробавляются ловлей мышей полевых.

Ни травинки в степи. Неприветливый вид.
Только ветер избитой дорогой пылит.
В черных юртах нигде не найдешь ты огня:
Плох обычай, очаг разводить не велит.

1889

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, тклет чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло,
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка, —
Благодари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,
И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Потом несмело, словно тень, войдет он в байский дом
И сядет, прислонясь спиной к горе корзин с добром;
Украдкой подобрал кусок, что бросил байский сын,
Задремлет тихо в уголке, обласканный теплом.

А бай балованным сынком доволен без конца;
На радость баю — он растет собакой, весь в отца:
Голодных сверстников своих стыдится байский сын, —
В нем жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.

Бай не поможет бедняку, зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть:
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

1889

Кто спасет меня?
Полон я огня,
Изнутри горю и на снегу.
Душу ли открыть,
Слово ль проронить —
Не могу.

Отчего стыжусь,
Почему боюсь
Всех, кого не встречу на пути?
Почернев, как ночь,
Тороплюсь я прочь
Отойти.

Сон, питье, еда, —
Словно навсегда
Стали мне чужды и ненужны.
Как найти покой,
Как достичь родной
Тишины?

Сердце — жар во мне,
Юное — в огне.
Где же утоление, душа?
Сам себя наставь,
Сам на путь направь
Каждый шаг!

Тополь молодой
Шелестит листвою,
С ветром говорят листки берез.
Я главой поник,
В пазухе — родник
Горьких слез.

Был я полон сил,
Беззаботен был,
С горем и бедою незнаком.
Нынче — плохо мне!
Сам — горю в огне,
Лед — кругом!

1890

Все от жизни я взял сполна;
Смерть близка, могила темна.

Красноречьем дар мой силен,
Дышит летним покоем он.
Но судьбой я был обделен:
Глупых слушателей она
Даровала домбре моей;
И до самых последних дней
Не сыскал я среди людей,
Кто б меня разумел до дна.

На подъеме жизни былом
Я крушил невежд поделом,
А теперь — дорога тесна,
Знай шагай, да вниз не вались,
Ввысь не суйся, прежнюю рысь
Позабудь, Абай-старина!

Что б тоска не согнула плеч,
Что б дотла ей сердца не сжечь, —
Встрепенись, душа, ото сна!
Как птенец, что крылья с трудом
Распрямил, прощаясь с гнездом, —
Кинь, душа, насиженный дом,
Взвейся к небу, солнцем пьяна!

Пламя скорби в сердце тая,
Слово молвить желаю я,
Пусть внимают ему друзья.
Лейся, речь, свежа и сильна!
Скорбь созрела в сердце моем,
Грудь объята гневным огнем.
А душа — безысходно одна.

Как невеждам втолкуешь ты
Мысли жгучие и мечты?

Им смешна твоя глубина!

Эти люди, в буйстве слепом,
Беспокойно рыщут кругом,
Тешась ложью, коварством, злом.

Вся душа моя потрясена!

Не надеть мне на них узду —
Но уйти, на свою беду,
От отчизны не в силах я,

Хоть дурна родная страна!

Мыкать горе велел мне рок,
Свел с врагами на долгий срок,
Одинокой тоске обрек,

И покорность мне суждена.

«Человек» — вот слава моя,
Но толпа, шипя, как змея,
Не дает мне, влача с собой,
Вправду стать венцом бытия.

Ведь толпа — шальной скакуна!

Как доверюсь ее суду?
Не зовут — и я не иду,
Домоседствуя, правды жду...

Невтерпеж! Коль изменит жена —

Ты спешишь омыть свою честь,
В сердце горечь, злоба и месть...

Нынче ж вовсе не перечеть

Чувств, которыми грудь полна..

1890

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем
И всю грудь заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них — все равно,
Пусть тоскует сердце одно,
Пусть проверит свои слова,
Выльет все, чем было полно.

Скорбь колышущимся огнем
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их, потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ,
Кому нужно слово мое,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищение судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Не хотите вы сердца раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь по верху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

Порой душа вновь дерзнет
Звать любовь, мечтать о любви.
Напиток муки испить
Сердце требует, — дай, яви!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Нам любовь — краса и оплот,
Но умрешь, умрет и она.

Кто жизнь прожил не любя —
Животное, с корыстью в крови!
Если ты ни с чем, — у тебя
Семья, друзья, ты ими живи!

Тот, кто сердцем чист, — он впотьмах,
Коль друга он не найдет.
Что славы блеск? Жалкий прах.
Без друга жизнь — горький мед.

1890

ВЕСНА •

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Семицветным ковром зацветает земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам — ищи, не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом приозерном пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол ручной
Из-под облака лебеда бьет налету.
Возвращаешься — девушка крикнет: «Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!..»

И все девушки лучший надели убор,
И долины — в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев дwoятся отары овец;
Тяжек труд у крестьян — пахота и посев,
Но земля им сторицей воздаст подконец.

- Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем — щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца,
Всё дивится ликующей силе земной,
Всё живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела
Жениха своего терпеливо ждала,

И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом, шатер золотой.

1890

Глядит, но что же видит он?
Слепец, он суетой живет,
Но все же он самовлюблен,
И чванство — вот души оплот.

«Ты неуч», — брось ему упрек,
«Аллах свет разума дает!» —
Ответит он. В тебе ли бог
Свое подобье создает?

Глаза души своей раскрой —
Луч истины в нее войдет;
От грязи ты ее отмой —
Она алмазами блеснет.

Душа невежды — в темноте,
Что жалкий ум его влечет?
Он весь в заботах о скоте,
И сам тупеет, точно скот.

Мулла, толкуя вкривь и вкось
Святую книгу, лжет и врет,
Он слеп душой, а сам, небось,
Добычу, как беркут, клюет.

Учить невежд — напрасный труд,
Пускай стоят, розиня рот;
Пусть много слушающих тут,
Но кто из них тебя поймет?

1891

Юности жаркий огонь
В сердце твоём запылал,
Страсть влечет тебя, словно конь,
Вперед, по вершинам скал.

Ты не знаешь житейских забот,
Надеждой вольно дыша;
Верится: вот-вот обретет
Клад заповедный душа.

Силой воли, не только мольбой
Твой разум тайны постиг.
И не обольстился собой,
Но сияет ясно твой лик.

Не по-бабьи ты, по-мужски
Держишься в смертной борьбе.
Ловкостью да силой руки
Добываешь победу себе.

Задохнется пламя души,
Не вечен сердечный зной, —
Так не упусти ж, поспеши
Вынуть свой жребий земной!

Если сверстник твой, скорпион,
Прикинется другом твоим, —
Он злобой, поверь, напоен,
Ты должен гнущаться им!

Шагай справедливым путем,
Тебя оценит и враг.
Чтоб не каялся ты потом,
Обдумывай каждый шаг.

Без оглядки, на все готов
Для друга будь своего.
У бессовестных, у глупцов
Ты не ищи ничего.

Герою-жигиту цветком
Коварный кажется мир,
И жизни ликующий гром
Зовет жигита на пир.

Опьяняясь день ото дня,
Он будет слеп до конца,
И заманит лесть-западня
Хмельное сердце юнца.

Как дитя, он верит всему,
В незрячих очах — туман;
И вовек не раскрыть ему
Лукавой толпы обман.

Ты, обманщик, злой человек!
Пробуй свой коготь на мне,
Но не мни зеленый побег,
Не тронь его по весне!

Осторожности вопреки,
Он в ложь поверил, любя...
Разве с криком его тоски
Стыд не коснется тебя?

1891

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать...

Так мы страсть узнаем:
Встреч влюбленные ждут,
Но, оставшись вдвоем,
Нужных слов не найдут.

Нет ли друга иль есть,
В сердце дрожь не замрет,
Легкий шорох им весть
Друг о друге дает.

В сердце трепет и страх,
А на пальцах — ледок...
Жар — то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжет плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется — нем.
Кто целуется — пьян.

Их скрывает листва.
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом жигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим...
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

ив с робостью спор,
Без оглянут жаром тела,
Для друастроганный взор
У бессотит влажная мгла.
Ты не

Герою: убь суждений, цвет слов,
Об вы сделали тут?
Коварас под пламенный кров
И жие зовут, не зовут!
Зовет

891

Опь:

Он

И

Хм

Ка

Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены,
Сердцу ты, только ты
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стук так силен,
Что слова не слышны.

Нас в тебе так манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет, —
Страсть сильней закипит.

Кто не смел — не жигит.
Власть твоя нас томит.
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

Ты, душа, терзаешь меня,
Ищешь всюду свою мечту.
Полно лгать, скитаясь, маня,
Потолкуем начистоту!

Славой счастлив гордец: его
Хвалит ветренная толпа.
Но бессмысленно торжество,
Коль она в похвалах слепа.

Разве станет бесчестный хор
Славить праведных мудрецов?
Злые люди болтают вздор,
Слыша истины чистый зов.

Лесть грязнит и душу и рот,
Что испорченная вода.
Ты, правдивый сыскав народ,
Полюби его навсегда.

Здесь продажны слово и вздох.
Покупать их — и смысла нет!
И кружатся сердца пройдох
Кубарями, под звон монет.

Недостойно хвалой такой
Душу тешить и чуткий слух,
Как высокой страсти мужской
Пробавляться любовью шлюх.

Я гнушаюсь ласками их,
А правдивые — где найдешь?

Слишком много людей пустых;
Смерть залечит злобу и ложь.

То, что мы бытием зовем,
Быстролетным скользит ручьем.
Сколько яду в прошлом твоём,
Все равно — в хорошем, в дурном!

1892

О сердце мое, замри, застынь!
Не нашлось приюта для нас.
Зачем трепетало и билось ты,
Обманутое столько раз?

Утихнет и примется травку щипать
Одинокий ягненок-малыш.
А ты, мое сердце, томишься опять,
Тоскуя, стучишь и стучишь.

Поверить — кругом никого не нашлось.
Никого не нашлось — прильнуть,
Зачем же ты, сердце, бродячий пес,
Опять порываешься в путь?

Ты вольною волей хотело пожить.
Зачем тебе нужен я?
О сердце мое, игрушка лжи,
Напрасная мука моя!

Недолговечно добро,
А зло пребудет всегда.
Воспрянув, надежды конь
Натягивает повода.

Но как ни гони его —
Печали не обогнать.
За горем одним — все сто
Несчастий готовы встать.

Пока не пройдет гроза —
Не засияет лазурь,
Пока не минет слеза —
Душе не уйти от бурь.

Стирая печаль с лица,
Гляди всегда молодцом;
Коль вытерпишь до конца,
Не станешь горя рабом.

Всем трудно, коль, жизнь губя,
Надвинется горя гнет.
Но слабый хуже тебя —
Он жалобой изведет.

И нету нам доли злей —
В ничтожестве жить людском.
Куда от «богатырей»
Деваться с их хвастовством!

1893

Как без труда в руках держать народ?
Блуди все то, что он века блюдет.
Своим страстям простору не давай,
Будь гордым, но не чванься наперед.
И нерешительностью не томи,
Советуйся с почтенными людьми,
В смятение повергни одного,
Другого добрым словом подыми.

Кажись отважным. На словах ты будь
Готов опасностям подставить грудь, —
Неплохо иногда побушевать,
Но все-таки о мере не забудь.
Гляди, как сытый жертвою своей, —
Как ворон, падали клевать не смей.
Народ — дитя, его не обижай,
Тихонько у него стащить — верней...
Будь горд с чужими. Трудные года
Ты иноходью проходи всегда,
Чужих врагами ты изображай,
Чтоб утратить народ свой без труда.

1894

Вот и осень пришла для меня.
Как я силы в руках сберегу?
В мыслях май расцветает, маня,
Но весны я вернуть не могу.
Если холод в душе, если лед —
Как распустится роза в снегу?
Но в груди если пламя живет,
Не погаснет оно и в пургу.

Близорук человеческий взгляд.
Даль не манит бескрылых людей.
Ничего они знать не хотят,
Кроме мелких, корыстных затей.
Они хитрой полны суетой,
Они в жадности волка лютей:
Затесаться бы гостем на той,
Нахватать бы послаще костей.

Обмануть, поживиться, пролезть,
Погулять на чужие гроши...
«Не зевай!» — вот их мудрость и честь,
Вот бахвалятся чем торгоши.
Лишь пройдоха для них человек,
Кто смирен — того трусом зовут.
Не достичь тебе счастья вовек,
Если ты не наглец и не плут.

1894

Речь влюбленных не знает слов.
У любви язык таков:
Дрогнет бровь, чуть вспыхнут глаза —
Вопрос иль ответ готов.

Помню, так и я говорил,
И мне приятен он был —
Тот язык, но память сдала,
Теперь я его забыл.

1894

Будь разборчив в пути своем;
Лишь когда талантлив, гоолись
И надежным лишь кирпичом
В доме строящемся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут,
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет,
Доброты же и правды нет, —
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи, — смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Без борьбы байги не бери.

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как верно в земле прорастут.

1894

Холод, жар, — молод, стар,
Каждый знал сердцем их.
Но, поверь: властный дар —
Страсть — сгорим в днях пустыи.

Первый цвет юных лет,
Сердца пыл, полный сил, —
Красоты равной нет,
С чем бы ты ни сравнил.

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них? Где они?»

Все теперь для тебя —
Болтовня, глупый бред.
И с другим вспоминать
У тебя жажды нет.

Слов живых не дано —
Все забыл ты давно,
А другой говорит, —
Не поймешь все равно!

1894

Как бы ни был жратвой твоей желудок набит,
Жирный кус внове желанья твои разъярит.
Кто сказал: «Полбогатства — насытиться раз!»,
Не устанет жевать, как бы ни был он сыт.

Беден ты, но к труду непривычен, о стыд,
Твой желудок от голода вечно урчит...
«Мясо есть, пить кумыс — вот и все, что хочу», —
Ты сказал? Это бедность твоя говорит.

Если б каждого ждала хоть эта еда,
То на лакомство всех потянуло б тогда,
А пока, коль не станешь у бая просить,
Грош в халате отыщешь, и то не всегда.

Ты в своем очаге не разводишь огня,
Ищешь, «где б накормили сегодня меня?»
Но обглоданной костью тебя угостят
И торопят к работе, ленивца кляня.

Будь внаймах, потрудись, — заработаешь скот,
Уваженье снискаешь себе и почет;
Кто же в юные годы труда избегал, —
Точно ветер, бесследно свой век проживет.

Тунеядец не скроется от нищеты;
Разве ты человек, если ленишься ты?
За ослом убирай, — кто тебя осмеет?
Если совесть чиста — то и руки чисты.

Воровством и коварством не разбогатеешь.
Раз солгавший, обманывать будет и впредь,
Все утратишь, и, как ни старайся потом,
За тобой будет слава дурная лететь.

Шут, насмешник, над всем он смеяться готов,
Много бродит таких неприкаянных псов;
Он с презреньем о доме своем говорит, —
Не пускай же такого под собственный кров.

1895

Умерло детство — а ты не знал?
Дни радости растерял?
Прошла юность — не удержал?
Встречай же старость — не ждал?
Быть может, в жизни не раз
Непостоянным бывал?
Не раз себе изменял?
Быть может, несчастный, умрешь,
Как тот верблюжонок в хлеву,
Что хлева и не покидал?

1895

Когда станет длинною тень,
И закат прохладно-багрян,
И, время окончив, день
Шагнет за дальний курган, —

Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой.
Вечерний сумрак в огне.
Жизнь — вся уже за спиной.

Тропа за спиной — жизнь твоя,
Тропа, по которой ты шел:
Беды прошла колея,
Прошло по ней горе — вол,

И топтал ее человек,
И не раз заносил песок...
Добывай, стяжай весь век, —
Жизнь спросит — какой в том прок?

Мысль — щенок, забытый в степи,
Не найти кочевья ему.
Плохую память приспи,
Вздых и досада к чему?

Средь пшеницы в поле — полынь.
Поле жизни мудро пройди.
Скажи печали: остынь.
Умри, как странник, в пути.

1895

✠

Смертна природа. Человек же не умрет,
Хоть жить не будет и обратно не придет.
Разъединение со мной моей природы
Один невежда полной смертью назовет.

Превратность жизненная — многим тяжкий плен,
Мы плачем от ее ударов и измен.
Бессмертные слова ты оставляешь миру, --
Так можно ли сказать: «Ты превратишься в тлен»?

Не увлекающийся жизнью своей
Текучесть мира постигает все ясней.
Не следуя душой за глубиною мысли, —
За мной, ушедшим, ты не проследишь путей.

Кто друг земному, тот иным мирам — чужой.
Несовместимы две души в душе одной.
Кто жаден к жизни, кто небытия боится,
Тот, знаю, верует не всей своей душой.

1895

ПОЭТ

Из времени выпадет миг:
На мир сойдет тишина,
Услышишь — заплещет родник, —
Мысль хлынет, быстра и ясна.

Созвучий могучий поток
К груди пробужденной прильнет
И сердце, прозрачно-глубок,
Чистой волной захлестнет.

День хмурый подымет чело.
Смеясь, озарится листва.
В душе засияют светло,
Родятся большие слова.

Поэт стянет туже свой стан,
Посмотрит назад и вперед, —
Что правда и что обман,
Увидит и все поймет.

В века, в их темную даль
Орлиный свой взор устремит
Оплачет их зло и печаль,
Глупцов и невежд заклеит.

Далеким и близким своим
О минувшем расскажет он,
И разум и правда перед ним
Предстанут — как судьбы времен.

Он дерзок, в нем сердце горит,
Язык его гневен и смел.
И пишет он и говорит —
Как должен, не как хотел.

1896

Красотка-девушка у хана жила,
Все отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

Но вправду «всякому — свое» говорят.
Справляет хан пиры, прославлен, богат.
А девушка, вскричав: «Мой брак — мой позор!» —
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей?
Друг сердца нужен нам, всей жизни нужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, — зачем они ей?

Со стариками ль жизнь связать молодым?
Не сдается сердце, — рассеет лесть, как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет. —
Так не жена она, пусть отдан калым.

Жен молодых глупцы томят взаперти,
Чужую молодость вернув с полпути.
Откуда к старику любовь прилетит?
Она ж не телка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но молодость вернуть за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося!

«Что на уме у ней?» — старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.
Опутала тебя, а ты уж и рад.
Смотри, бесовка что с тобой творит!

Бай, старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропавший человек, коль счастье нашел,
Женою и столом хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик,
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай — одна, другая — цветок.
Когда же снег и зной сжились хоть на миг?

Вилание хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

1896

Вечность — круг, круг часов — циферблат.
За минутой минута — бегут, спешат.
Минута — и жизнь человека прошла.
Прошла — никогда не вернется назад.

Этот вор — часы! Тихий шаг, зоркий взгляд
Твою жизнь сторожат, — отдашь, рад не рад.
Постоянства нет, жизнь пришла и ушла, —
Прошла — и уже не вернется назад.

Убегай от жизни иль жизнь догоняй,
Укрощай желанье или утоляй,
Не уйдешь от дел и поступков своих, —
Мерен шум проходящей жизни, внимай!

День за днем, за месяцем месяц — и год.
Год за годом воруя, старость придет;
Если жизнь обманула — что с нее взять!
Будь, аллах, твоя милость к тем, кто живет!

1896

Птица мысли повсюду стремится крыла,
Если мысль человечья была смела.
Да вьется мелодия за строфой,
Как стелется тень за крылом орла!

Льется и реет песнь, паря,
Сердце баюкая, ум бодря...
Бренного мира вся сладость в ней,
Лишь тугсухий к ней влекся б зря!

Песнь и в спящее сердце влетит,
Все исцелует и истомит...
То счастьем, то грустью звенит напев,
То раны зажившие берedit.

Все ли то знают, кто песнь поют?
Все ли, кто слышат, ей дань воздают?
Страстной исполненная тоски,
В чьем она сердце найдет приют?

Высоким в зачине бывает лад.
«Слушай!» — пронзительно звуки велят...
Песнь порождает вокруг немоту.
Слившийся с песней сам крылат.

Но, песнь заслыша, постичь сумей:
Мудрость ли дышит, иль глупость в ней?
Вздорная песнь лишь ранит слух,
Мудрой упьешься — и стал мудрей.

Суть песни вскрывают мои шесть строф.
Для знатоков не жалел я слов.
Пусть не поймет меня тот, кто туп;

Зачин принимает за песню иной,
Но ты, кто прекрасную знаешь, — пой!
Подлинной внемля, тают сердца,
Дух возвышается сам собой...

1896

•

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нем.

Дождь прошел — ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез — болит голова,
Тоска еще тяжелей.

1896

Восторженной хвале толпы не верь, — то лесть!
Не дай двуликим хитрецам себя оплесть...
Верь лишь себе и знай: твой ум, твой честный труд —
Вот тот оплот, где для тебя спасенье есть.

Глуцом доверчивым вовек не будь с людьми.
Страстей и славолюбья жар в груди уйми.
Плениаясь ветреной молвой, ты лжешь себе...
Попытки марево обнять — лишь блажь, пойми!

Обрушилось ли горе вдруг, — противостой!
Процвел ли миг, — пренебреги, то цвет пустой!
В глубь сердца своего уйдя, храни, лелей
Сокровище, что обретешь ты в глуби той.

1897

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Как в легендах могучий тулпар,
На утес ты пустился крутой,
К небу рвался, упорен и яр,
Знатье было твоею мечтой.

Взор горящий вперед устремив,
Шел, трудов не страшась никаких,
И не мог твой прекрасный порыв
Переспорить никто ни на миг.

Был ты юношей честным, прямым,
Ложь повсюду громил, что есть сил,
Окруженный почетом большим,
Величавую скромность хранил.

Возвращенный родимой стране,
Разве всех ты не звал бы вперед?
Разве было б так горестно мне,
Если б умер, уча свой народ?

Знал я прежде, твой скорбный отец,
Что хороший есть сын у меня.
Видно, горе не близит конец,
Ведь не умер от горя и я!

1896

Время — словно туман на вершинах гор;
Ты с надеждой глядишь на него в упор,
Ты следишь за потоком дней и годов...
Все безликое наш утомляет взор.

Дни, один в один, словно взвихренный прах,
Прилетят — улетят на сизых крылах,
Но скользит среди них твой последний день,
О дальнейших знает один лишь аллах.

«Я» — душа и сознание, а плоть и кровь —
Достоянье души, их к смерти готовь.
«Я» — бессмертно, а тело твое умрет.
Так крепись же, терпи и не прекословь.

Наслажденья ты ищешь ночью и днем,
Бренных радостей плоти, сокрытых в нем.
Правда, совесть, любовь, — вот твои друзья,
Когда ты заснешь непробудным сном.

За почет и богатство собой плати,
Грязным помыслом ясную гладь мути, —
Не обманешь ты жизнь, и радость она
Все равно уберет с твоего пути.

Человек полагает: весь мир — его,
Но вселенной владеет лишь божество.
Людям — плоть их и вещи принадлежат
Неотъемлемо, кроме них — ничего.

Жаркой жалостью к страждущим наделен,
Ты работай для блага земных племен.
За любовь к любимым созданиям творца
И тебя, словно сына, полюбит он.

Многолюдные толпы в единый толк
Ты не ставь. Перед сворой — бессилен волк.
Милосердьем и правдой всех оделять,
Всем на помощь спешить — твой священный долг.

Всяк стремится к пользе своей. Не поймешь,
Кто беззlobен, кто криком скрывает ложь.
Зря пройдоха мелкий шумит о себе:
Молчалив, кто душой и сердцем хорош.

1897

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон,
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом?

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь,
И все, что было мечте сродни,
Живую плоть одето вновь.

Снова, глотая прежний яд,
Я утопаю в нем с головой.
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начнет земную лесьть
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

Грубый крик, рев осла, —
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа, —
Разве в том награда нам?

Слова невежд, как зола, —
Чего искать в них надо нам?
Жизнь, что зря отцвела, —
Найдется ль в ней отрада нам?

1897

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду вестей день-деньской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя все мертво,
Отцвела жизнь моя!

1897

Несчастный, мучила всю жизнь тебя судьба!
Как разлюбить эту жизнь, что зла и груба?
Не умрешь ты от обид, но узнаешь стыд.
Став мишенью хвастунам, — не спрячешь лба.

1897

ГАБИДУЛЛЕ

Подснежнику, что приголубит весна,
Знать ли о жизни — длинна ли она?
С дубом сравниться он мощностью мнит,
Солнечного напившись вина.

Осень дохнет — и подмерз корешок;
Сгинул, как не был, а росту с вершок!
Мало ли юность сулила и мне?
Есть ли в рывках к недоступному прок?

Кожа поблекла. Померк огонь.
В тщетном пылу иступлен клинок.

1897

На воде, как челнок, луна.
Тишина ясна, глубока.
Лишь в овраге полночь черна
Да шумит в тишине река.

Вверху и внизу глубина.
Лунный свет в лепестках цветка.
Пробежит по деревьям волна —
И затих порыв ветерка.

С гор ответит эхо на лай
И на окрики пастухов.
Крадучись, минуты считай
И пугайся своих шагов.

Упадет листок невзначай —
Тебе уже чудится зов:
Ах, скорее, милый, встречай,
Здесь, в тени прибрежных кустов.

Горя, холодея, дрожа,
С немеющим сердцем в груди
Ты придешь без слов, не дыша, —
Ах, сколько тревог позади!

1898

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния пред грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, огонь стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но попрежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятное умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

1898

На сорок лоскутьев тоскою
Сердце мир растерзал — день за днем.
Как же сердцу прожить в покое,
Если разочаровалось во всем?

Те — взяты землей, те — враждою.
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою.
И вот ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое,
А где нам с тобою ответ?

Ты кровью горишь, болью злою.
Мечты! Оглянись на них —
И вспомни величье бывшее
Желаний бесплодных твоих.

1899

Жизнь обирает нас день за днем. Где мечты твои?
В славе ль, в труде — прежний ты, где? Где черты твои?
Сперва — порыв, а следом — тоска. Лжет жестоко жизнь!
Где такой, чьи дни не пусты, как пусты твои?

Где ж сладость, где ж, чей вкус нежно-свеж всегда?
К чему бороться так за остаток дней?
Что в этой жизни есть, стоило б из-за чего
Блиzkих своих забыть и оттолкнуть друзей?

Доколе сердце молчит — слова сдержи.
Язык — приспешник обид, прислужник лжи.
Иль власть ты знал над ним и предел желаньям своим?
В них не брежит правды свет, в них — плен души!

1898

Разве не должен я, мертвый, глиной стать?
Должен буйный язык девой чинной стать;
Сердце мое, где гнев и страсть бой вели,
Вскоре, увы, должно хрупкой льдиной стать.

Близок день, когда мне пред судьбиной стать.
Медлить может смерть, может лавиной стать.
Сердце, нетрудно конской прыти твоей
Жертвой толков злых, вслед за кончиной, стать!

Стану немым я, не загремлю опять, —
Внукам судить меня, что с потомства взять?
Кровь моя черна, в язвах сердце мое...
Дважды нас в одном можно ли обвинять?

Чтоб милосердным быть, настезь открой груди!
Кто я, предок твой? Тайна я, не забудь.
Путь я стлал для тебя, знай, потомок мой.
Тысячи раз в бой шел я, не обессудь.

Мир мне впору был, юному силачу.
Гневу, спорам в дань я возжигал свечу.
Враг меня донять силится клеветой.
Ринулся б я вслед, — поздно! Не доскачу...

Вольные мысли мои терпели гнет.
След мой тебя с прямой дороги собьет.
Вдоволь выстрадал я, вдоволь плен терпел, —
Надо ль будить того, кто навек уснет?

Яд и чад во мне — пусть я с виду иной.
В жизни мало успев, кончу путь земной.
Песня болтлива — зря тайну вверил ей...
Лучше, право, ей смолкнуть вместе со мной!

Дни за днями чередой, —
Покоя тщетно искать.
За мыслью мысль чередой, —
И ветру их не догнать.

1898

Не увлек ты меня! Нет, не смог!
Изнемог ты весь! Горе нам!
Нет любви! Ты здесь и — далек.
Не быть мне твоей — ты видишь сам!

1899

Человек — мешок для мяса и костей,
Смерть уносит его, как скарб казначей.
Как часто слышишь: «Ты низок для меня!»
Поверь мне, глупость — мать подобных речей.

Лишь вчера — дитя, ты сегодня — старик.
Жизнь уходит в землю, как иссякший родник.
Люби человека, люби красоту, —
Что мог бы еще назвать благом язык?

1899

Если воли у сердца нет,
Кто угасший разум зажжет?
А погаснет разума свет —
Станешь ты прозябать, как скот.

Если разум безволен, он
Лишь скользит, нейдя в глубину.
Ваш старик душой утомлен,
Стынут мысли, тянет ко сну...

Коль не дашь все, что хочет плоть —
Пожалеешь ее, любя;
А не сможешь плоть побороть, —
Все потребует у тебя.

Тело есть и душа у скота,
Но ему недоступны мечты,
Как бескрасочна жизнь, пуста,
Если вглубь не стремишься ты!

Человеком могу ли я
Называться, объятый тьмой?
Где найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

Года миновали — давно ль?
Когда кровь кипела моя.
Ни дум, ни печали, — давно ль? —
С первым встречным — друзья.

Смех, любовь, питье и еда
Делились в кругу друзей.
Златоцветных надежд года,
Года молодости моей!

Где ты, золотая пора,
Когда радость лилась рекой?
Как будто вчера, лишь вчера,
А оглянешься — далеко.

Умоляй, тоскуй, проклинай,
Оплакивай — не вернешь.
Друзья разбрелись — догоняй!
Не догонишь, ищи — не найдешь.

Поплачу, дай волю очам.
Дай терпение, потерплю.
Если есть для сердца бальзам,
Израненное исцелю.

1899

Я вырастил пса из щенка, —
Он мне ногу раз прокусил.
Обучил я как-то стрелка, —
Он меня чуть не подстрелил.

1899

За счастьем любви не гонись, —
К чему эта суета?
До гроба любовь — где она?
Помедли, назад оглянись:
Жизнь — сон, и счастье — мечта,
Стараньям твоим грош цена.

1899

Одинокое, не найдет
Сердце отклика на пути.
Мысль моя, прерви свой полет,
Коль пристанища не найти!

Чувство высказанное — ложь,
Безответен страстей призыв.
Так куда ж ты сердце влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой, —
Оценила вас жизнь в гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них безмен,
Чтоб лишь взвесить хулу и лесть, —
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием утолить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалеешь кого, а тот
Деньги станет кланчить; не дашь —
На тебя ж сердясь, уйдет.

Но войти покупным словам
В сердце искреннее невмочь.

Льстивый плут ни себе ни вам,
Никому не может помочь.

Ты напрасным горишь огнем,
Горевая душа моя!
Это пламя — что толку в нем?
Где любовь твоя, где друзья?

1900

В душе, что жила онемев,
Песни чувства сдержать не могу.
Опять претворяю в напев
Угасших желаний тоску.

В скитаниях я одинок,
Нет друга, нет счастья ни в ком.
Чужбина — как мертвый сучок
Райской птице с синим крылом.

Тоскует на ветке сухой
Певунья, а буря ревет.
Все песни сгорают тоской,
Иных она не поет.

Во мраке души луч огня,
Подруга скитаний моих,
Ты — старая песня моя,
Потомкам завещанный стих!

1900

Уходит жизнь за часом час,
И новый день уже погас,
В печальном сумраке ночном
Простор скрывается из глаз.

Я ощущаю в этот миг
Всю невозвратность дней моих, —
Где девушка, что я любил,
Товарищи и дружба их?

Я столько лет на небеса
С надеждой обращал глаза,
Но бог далек, и не для нас
Его святые чудеса.

Что бог, — когда душа в плену,
Когда навек покою, сну,
Всей жизни, богу самому
Я предпочел тебя одну?!

1900

Пожелтела надежд опавших листва.
Поседела в мечтах моя голова.
Минувшее смутно, а в сердце печаль,
Былых дней тревога, как прежде, жива.

Жизнь — как сон, как слова стихов золотых.
Обманули мечты, но не молкнет стих.
Взгляни на себя: горяча ль твоя кровь,
Горит ли румянец на щеках твоих?

Люди лживы, неверны, склонны к вражде,
Как мираж их жизнь, вся в пустой суете.
На чужие мысли своих не меняй,
Суди себя сам в неподкупном суде.

1901

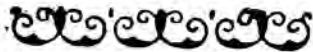

Сердце — море, где радости — жемчуга.
Отбери их — и выцветут берега.
Если сердце сокровища лишено,
Оболочка пустая не дорога.

Сердце дружбой живет, живет и враждой.
Добродетель — в уме находит устой.
Если ум добродетель твою хранит,
С каждым днем ты возносишься над средой.

Старый, гаснувший муж не сломит врага.
Проку нет от притухшего очага.
Всякий неуч совет вернуть норовит,
Если, ставшая хилой, скользит нога.

1902

Мотыльки, чей так свеж наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но — спугнет метель, сад примят,
И они назад не летят.

Людам всем даны, всем подряд,
Суета досад и отрад,
Труд, любовь — и в них ряд преград,
Что ответ себе дать велят.

Время гонит всех — стар иль млад,
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад!
Срок придет — и ты в землю взят!

1902

АФОРИЗМЫ

Как ни прекрасна мысль, но, проходя через уста, она бледнеет.

Человек — дитя своего времени. Но, если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников.

Если б в моих руках был закон, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим.

Сын своего отца — недруг народу, сын народа — твой друг.

Трудящийся только для себя — уподобляется скоту, набирающему брюхо. Достойный трудится для человечества.

О качестве человека судят по его замыслам, а не по тому, что из них получилось.

Делись тайнами с тем, у кого нет друзей, дружи с тем, у кого много друзей. Избегай того, кто беззаботен, будь с тем, кто опечален.

Гнев без воли — вдовец, ум без печали — вдовец, любовь без верности — вдова, ученый без последователей — вдовец.

Помогай достойному; поможешь пустому человеку — только себе повредишь.

Кричащий в гневе — смешон, молчащий в гневе — страшен.

Успех и счастье — предел опьянения: из тысячи лишь один сохранит настолько разума, чтобы не выставить людям свою наготу.

Слава — высокая скала, змея забирается на нее ползком, но сокол достигает ее взмахом крыла.

Мир — океан, времена, как ветры, гонят волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, и океан кажется все тем же.

Плохой друг — твоя тень: в солнечный день — беги, не убежишь, в пасмурный день — ищи, не сыщешь.

Кто не испытывал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, значит и зло не вечно. Разве после суровой, заваленной снегом зимы не приходит весна — цветущая, многоводная, прекрасная?

Достойный просит много, удовольствуется малым. Пустой просит мало, а дашь ему больше, — он же будет недоволен.

Если хочешь, чтоб ладилось дело, — сумей за него
взяться.

Простолюдин, прославленный за ум, выше царя, увенчан-
ного счастьем. Юноша, продающий свой труд, достойнее
старика, торгующего своей бородой.

Пока тебя не вознесло счастье, добра тебе желают все
вокруг. Но возвысило тебя счастье — доброжелатель твой
лишь ты сам.

МАСГУД

Во имя твое, друг аллаха Махмут,
Начинаю рассказ, и уста не солгут.
Когда был халифом Гарун-аль-Рашид,
Жил в Багдаде достойный жигит Масгуд.

Случилось, из дальней поездки домой
Возвращался Масгуд дорогой глухой.
Вдруг он слышит, на помощь кто-то зовет.
Надрывает гортань бессильной мольбой.

Подъехав, видит: грабит вор старика,
Грозя сединам его сталью клинка.
«Кто б ты ни был, тебя я спасу», — сказал
И стиснул ногами коню он бока.

Но проворен был вор, был верен кинжал —
И спаситель едва сам жертвой не стал.
Ранен вором Масгуд, старик невредим,
Злодей, побежденный Масгудом, бежал.

Посмотрел старик: кровь Масгуда текла
По виску, где большая рана была,
Подумал: «Добром за добро отплачу,
Это храбрый жигит, ненавистник зла».

«Эй, жигит, я в большом пред тобой долгу!
Но от платы посильной не убегу.
Достоянье мое, мою жизнь ты спас —
Отплачу я тебе, жигит, чем смогу.

Во имя творца день грядущий встречай.
Всемогущий аллах да, будет с тобой!
Дай обнять тебя, мой спаситель, прощай!»

«Но заслуга моя не столь велика.
Делу чести служила моя рука.
Тебе помощь нужна была — я помог.
Приду!» — И покинул Масгуд старика.

В свое время пришел, куда надо, жигит.
Уже старец навстречу ему спешит.
Масгуда к гробнице он древней привел.
Деревцо над гробницей листвою шумит.

Растет деревцо, а пустыня кругом.
Три плода, уже зрелых, висят на нем:
Белый, красный и желтый — снег, кровь и мед.
«Выбирай, как рассудишь в сердце своем.

Если белый съешь плод, будешь всех умней,
Желтый съешь — будешь первым из богачей,
Красный съешь — станешь всем ты женщинам мил,
Все они искать будут любви твоей».

Над словами старца подумал жигит,
Подумав немного, он так говорит:
«Ни того, что бел, ни другого, что желт,
Дай мне красный съест, что, как яхонт, горит».

«Тот, иль этот — ты волен сорвать любой,
Не жалел бы потом, что взял не другой.
Однако скажи мне, достойный жигит:
Почему красный плод предпочтен тобой?»

«Плод белый сперва я подумал сорвать,
Чтоб умнее умных, мудрей мудрых стать;
Но буду ль тогда властелином ума?
Нет, ум станет мною тогда помыкать.

Не найду себе равных я по уму,
А глупцы и невежды мне ни к чему.
И теперь немало их вижу вокруг,—
Тогда же я другом кого назову?

Не сделаешь умным глупца никогда.
Исправлять дураков? Не стоит труда,—
Лишь сон потеряешь, тоску наживешь,
Не пойдет никакая в глотку еда.

Плод желтый потом захотелось мне съесть,
Чтоб богатства вселенной всей приобрести.
Но подумал: богаче всех прослыву—
А действительно ль это большая честь?

Богатство поставит меня на виду:
Продают люди силу и красоту,
Лишь только б чужого богатства урвать,—
На их зависть нельзя наложить узду.

Зависть учит, как нищим стать,— это стыд.
Без труда богатства искать— это стыд.
Бескорыстную дружбу забудь, богач,—
На богатство друзей сменять— это стыд.

Куплю совесть у многих, лишь плату дам,
С охотой они уподобятся псам;
А не дам ничего, стану сам я псом:
Либо люди все псы, либо пес ты сам.

Так не лучше ли выбрать тот из плодов,
Тот из трех, что женскую даст мне любовь?
Ведь женщин— полмира, их власть велика,
Их любовь драгоценней любых даров.

Будет враг у меня, не лишусь я сна:
У врага есть мать, дочь, сестра, жена,
У жены его также найдется мать—
Окажет заступничество хоть одна.

Ни один человек без ссор не живет.
О ссоре толкуешь с женой наперед.
Если гневен муж, на жену положишься:
Для гнева и злобы лекарство найдет...

Для того на плечах сидит голова,
Чтоб в делах человек мог размыслить сперва.
Так и я: рассудил, а потом решил,
Взвесил мысли свои и взвесил слова».

Мудрой речи Масгуда старик внимал.
«Хорошо ты решил, хорошо сказал!
Ум есть у тебя, а богатство придет.
Будь счастлив, ты сам свое счастье сорвал!»

Тот чудесный старик был не кто иной,
Как владеющий счастьем кадыр — святой.
Жигита, прощаясь, он благословил,
И Масгуд возвратился к себе домой.

Прозванье «Шамши-жиган» ему дано,
Означает же «Светоч мира» оно.
А рассказу о нем, в назиданье нам
До потомства дойти было суждено!

Но земля и в то время была полна
Глупцов и невежд, как во все времена.
Они губят разум, добро, красоту,
Прекрасная жизнь ими осквернена.

От таких людей чего доброго ждать?
Честь, и совесть, и ум — тщетно к ним взывать.
Тени славных могил, родная земля!
Не будь их, захочешь в земле сам лежать.

Тот Масгуд в свое время везирем стал.
Масгуда за мудрость народ почитал.
Вот однажды знакомый старец-кадыр
Явился везирию во сне и сказал:

«В день такой-то прольется дождь, ожидай,
Вредоносная хлынет из туч вода;
Безумным вдруг станет испивший ее, —
Но спустя семь дней будет здрав, как всегда.

Осквернятся колодцы, реки, ручьи,
Отравятся горных потоков струи.
Но ты сделай запас здоровой воды —
И безумие пощадит дни твои».

Пробудившись, Масгуд встал вместе с зарей,
Чтоб халифа смутить грядущей бедой.
Совместно они обсудили тот сон
И к такому-то дню запаслись водой.

Наступил тот день, и дождь с неба полил...
Лишился ума, кто в неведении был.
День и ночь на улицах толпы людей —
В спорах, в драках шумят, кричат что есть сил.

Словно пьяными все базары полны,
В безумцев умнейшие превращены.
Везирь и халиф с удивленьем глядят,
За несчастных не в шутку огорчены.

Уговаривать стали они народ
Разойтись по домам, пока срок пройдет.
«Переспите безумия страшный час,
В сне бедный ваш разум лекарство найдет».

Но люди, чей разум утратил узду,
Бесновались, вопя в свирепом бреду:
«И везирь и халиф наш сошли с ума, —
Убьем их, не то заведут нас в беду!»

Их неистовый вопль дворец потрясал
И сердце халифа тревогой сжимал.
Чем ярость безумных убийц удержать?
«Найди выход, везирь!» — халиф приказал.

«За разумность хотят нас глупцы убить, —
Так не лучше ль ума лишиться, чтоб жить?»
Омрачился их ум с волшебной воды, —
Придется и нам ее, видно, испить».

И налили кружки водой дождевой,
И безумие разделили с толпой.
Теперь, когда стали глупцами они,
Каждый славил их мудрость под крик и вой.

К пощаде взывал, кто им смертью грозил, —
И халиф их простил, и везирь простил.
Так случилось, что сброд лишенных ума
И умных двоих их рассудка лишил.

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретешь,
Слепо следуя за безумной толпой.

1887

СКАЗАНИЕ ОБ АЗИМЕ

Есть у Шехерезады рассказ такой,
Изложу его полновзвучной строфой.
Жили братья в Багдаде и звали их
Одного Мустафой, другого Сафой.

Рано умер отец их. Тяжкий удел
Им достался, но каждый из них овладел
Мастерством. Мустафа художником стал.
Вить цветные узоры Сафа умел.

Всех юнцов родные места тяготят,
Захотелось братьям покинуть Багдад.
«Первый, ставший богатым, другого найдет»,—
На прощанье условились с братом брат.

Разбросала их жизнь по разным краям,
Но разлука страшна ль молодым сердцам?
В Шинмашин проводил Сафу Мустафа,
И в Бальсуре обосновался он сам.

Беден был он вначале и одинок,
Но усердно трудился—и вскорости бог
Дал достаток ему, и жену и дом,
И заказчиков много к нему привлек.

Так в труде и довольстве жизнь потекла,
Благосклонна судьба к Мустафе была;
Вскоре сына ему родила жена,
И Азимом нарек младенца мулла.

Время шло. Постепенно мужал Азим.
Отворилась дверь медресе перед ним.
Он премудрость школьную быстро постиг,
Мустафа мог гордиться сыном своим.

Постоянно вникал он в дела отца
И преемником стал ремесла отца.
Не остался нищим Азим, когда
Неожиданно смерть унесла отца.

Рьяно взялся он за работу, и вот
Стал дивиться искусству его народ,
И не стало соперников для него,
Что ни год, то богатство Азима растет.

Как-то в лавку Азима вошел старик
В драгоценном наряде. Солнечный блик
На парче и камнях играл. Азим
Перед гостем почтенным в поклоне поник.

И поклоном ответил старик на поклон,
И, приблизясь к Азиму, так начал он:
«Расскажи чужестранцу, мой сын, в каком
Ремесле иль искусстве ты изощрен?»

И Азим, перед старцем склонив главу,
Отвечал: «Рисовальщиком я слыву,
От отца унаследовав этот дар,
Всем обязан я своему мастерству».

«Ты не глуп, по ответу судя, но тут
Ни богатство, ни слава тебя не ждут,
Чересчур кропотлива работа твоя,
И не стоит затраты времени труд».

Рассердила Азима речь старика:
«Не позволю посмеиваться свысока
Над моим ремеслом, хоть мой кошелек
Легче, видимо, твоего кошелька».

«Сожалея тебя, я это сказал. Ведь
Со смекалкою можно быстрее преуспеть.
Я знаком с таинственнейшей из наук,
В слитки золота я превращаю медь.

Чтоб ты делал, когда бы ее изучил?
Я б не всякому эту науку открыл;
Высока и заманчива сущность ее —
Много денег при малой затрате сил.

Я желаю, как сыну, тебе помочь,
Да и сам я богатство добыть не прочь;
Убедясь в справедливости слов моих,
Сможешь ты сомненья свои превозмочь.

Я держать свое слово всегда привык,
Медь достань — и богатыми станем вмиг...»
Завтра снова в лавке сойтись чуть свет
Сговорились они, и ушел старик.

Удивленным вернулся Азим домой,
Стал расспрашивать мать о науке такой.
«Об алхимии слышать и мне довелось,
Но смотри... — покачала она головой. —

Положи перед странником медный лом;
Если прав он, — войдет богатство в наш дом,
Только будь осторожен, мой сын, а вдруг
Чужестранец окажется злым колдуном?»

«Если бог за меня, то не страшен и вор,
Но попомнит меня старик, если вздор
Обещанье его. Но если он прав,
Глупо будет нарушить наш уговор».

Ночью был беспокоен Азима сон,
Ум его был случаем странным смущен.[▲]
Все же, из дому медь с собой прихватив,
До рассвета отправился в лавку он.

Тут как тут уже был этот старый пес,
Он мехи и уголь с собою принес,
Даже рта открыть он Азиму не дал.
«Где же медь?» — старика был первый вопрос.

Жадно в руки схватил он меди, кусок,
Положил в казанок и огонь разжег.
И когда закипела, расплавясь, медь,
С черной жидкостью он достал пузырек,

Влил он снадобье это в кипящую медь —
И пошло в казанке бурлить и кипеть;
Он взболтнул казанок, и вскоре металл
Стал, остынув, золотом чистым блестять.

Протянул он Азиму слиток: «Юнец,
Убедись в моей правоте наконец,
Если кто-нибудь скажет, что это медь,
А не золото, значит — я подлый лжец.

Проверяй! Чтоб тебя не смущать, я уйду.
Если же слово мое будет с правдой в ладу
И меня захочешь увидеть тогда,
То отыщешь неподалеку в саду».

Побежал к торговцам Азим тотчас,
Жгли они кислотою слиток не раз.
«Это чистое золото», — все они
Говорили, выслушав странный рассказ.

За три тысячи триста дильде продать
Удалось этот слиток. Увидела мать
Кучу денег и молвила: «Где же старик?
Надо с честью гостя такого принять».

Быстро к саду Азим направил свой путь;
Не успел он с первой дорожки свернуть,
Как навстречу старик. «Ты был прав, отец,
Гостем нашего дома отныне будь!»

Вынул снова золото странник: «Азим,
Все⁴ мое — я отныне считаю твоим,
Вот, возьми, накупи на базаре вин,
За вином мы вечером поговорим.

Но беседовать лучше наедине,
Чтобы мог я быть откровенным вполне.
Пусть отправится в гости мать, а не то
Трудно с тайною будет расстаться мне.

Я приду с наступлением темноты,
До заката со мной расстанешься ты,
Но смотри, чтобы в доме мы были одни,
Иль в надеждах своих обманешься ты».

По базару гулял Азим дотемна,
Накупил там различных яств и вина,
Дома матери все рассказал, и ушла
Со спокойной душою к соседям она.

Стол уставлен едою, разным вином,
Стол уставлен яствами и серебром.
Никого нет. Легких шагов старика
Ожидает празднично убранный дом.

Вдруг как будто из сумерек он возник,
Неожиданно дверь распахнул старик.
Как родные, они повстречались. Азим
С умилением к груди старика приник.

А старик не сразу уселся за стол,
Со вниманьем он весь дом обошел,
Уважая его осторожность, Азим
Не почувствовал тут обиды укол.

А старик между тем давай болтать,
Он был мастер хитро беседой вращать.
Закусили, и, руки оmyв, старик
Предложил за вино приняться опять.

«К отдаленным векам восходят следы
Того, что всегда после сытной еды
Люди пили вино. В привычке такой
Я не вижу, Азим, никакой беды...»

Так все время старик болтал и болтал,
И за кубком кубок он поднимал,
Он разматывал ловко беседы клубок...
Третий кубок Азим уже осушал.

Был привычен веселый старик к вину,
Но Азима клонило уже ко сну.
Тут старик незаметно ему в вино
Влил какой-то жидкости каплю одну.

Час полночный меж тем уже наступил,
А старик, развлекая Азима, шутил.
Чуть снотворного зелья Азим хлебнул,
Как тотчас же на пол свалился без сил.

А старик только этого ждал давно.
Свистнул громко. И с гробом влезли в окно
Пять жигитов. Азима впихнули в гроб,
Торопясь исчезнуть, покуда темно.

Злодеянием не был смущен ничуть
Злой старик. Поспешив все двери замкнуть,
Он оставил пустой и безмолвный дом,
За жигитами вслед направив свой путь.

В камышах прибрежных, колышим слегка
Волною, корабль ожидал старика.
Был на палубу брошен Азим, и уже
Берег еле стал виден издалека.

Тридцать храбрых жигитов корабль вела,
Поутру он далеко был от земли...
Долго дома Азима искала мать,
По щекам ее долго слезы текли.

Только к полудню очнулся Азим. Взамен
Кровли дома, перед ним из бревенчатых стен
Тюрьма. Скован он по рукам и ногам.
Стало ясно: попал он к разбойникам в плен.

Приподнялся Азим, цепями звеня,
Увидел старика и, его кланя,
Закричал: «Как смел ты так поступить?
По какому праву похитил меня?»

«Положи разговорам пустым конец,
Не одной мы с тобою веры, юнец,
Я огню поклоняюсь; коль примешь и ты
Эту веру — невзгодам твоим конец.

Если ж нет — мольбою меня не томи,
По сто раз будешь в день наказан плетью.
Не отступишься ты от веры своей —
Кандалами, злосчастный, всю жизнь греми».

И Азим отвечал: «Как же я изменю
Вере отчей? Мне ль поклоняться огню?
Я за правое дело готов страдать,
Тверд душою буду, подобно кремню!»

Подбежали внезапно несколько слуг
И Азима избили. Жалобный звук
С губ его не сорвался ни разу, хотя
Потерял страдалец сознание от мук.

Был прогневан делами злыми аллах.
Грянул гром. Закачало корабль на волнах,
И закованный юноша был забыт,
Обуял нечестивцев ужас и страх.

И в тревоге всю ночь не смыкали глаз
Тридцать бодрых рабов. Но что ни час
Свирепел ураган, и к утру уже
Дух надежды в бесстрашных сердцах угас.

И собрали жигиты тогда совет:
«Неужели от смерти спасенья нет?»
К старику подступили: «Эй, старый пес,
Ты за это нам должен дать ответ!

Вот, старик, твоих злодеяний плоды!
Как бы ни были наши сердца тверды,
Даже их устрашает аллаха гнев;
Как избавиться нам от страшной беды?

Есть один только выход, старый злодей:
Ты Азима тотчас избавь от цепей
И пощады проси у него. Не то
Станешь жертвой акул в глубинах морей!»

Был запуган словами этими плут,
Растерялся, не зная, как быть ему тут,
Но увидев хмурые лица вокруг,
Он тотчас же избавил Азима от пут.

«Я тебя оскорбил, потому что был пьян,
Ты, Азим, в сыновья мне аллахом дан», —
Так сквозь слезы твердил Азиму старик,
В хитром сердце лелея новый обман.

С детства людям привык Азим доверять.
«Для чего старику лукавить и лгать?
Стало быть, он меня обидел спьяна...»
И поверил Азим старику опять.

«Я прощаю тебя, если так», — он сказал
Хитрецу. Тот к груди Азима прижал...
Ветер вскоре затих. Прояснился день,
Точно чудом, аллах успокоил шквал.

Стол отныне всегда для Азима накрыт,
Все желанья Азима старик спешит
Исполнять. «Не простой человек Азим», —
Видя это, подумал каждый жигит.

Плыл корабль... И однажды, чуть шевеля
Губами, старик прошептал: «Вот земля,
Помоги мне. И снадобье там набрав,
Мы обратно направим путь корабля».

«Это дело твое», — отвечал Азим.
Рад был старый пройдоха словам таким:
«Если снадобье мне поможешь достать,
Сам я стану покорным слугой твоим».

Вскоре на берег он и Азим сошли,
Барабан в пещере глубокой нашли.
Трижды палкой ударил старик, и вот
Три верблюда выросли из-под земли.

Нагружен был поклажей один из них,
Быстро были оседланы два других...
Поскакали Азим и старик. Барабан
Был оставлен в прибрежных песках золотых.

По пескам уже долго верблюды неслись,
Вдруг старик, устремив свои взоры ввысь,
Вскрикнул: «Сын мой, ты видишь странный туман —
Там, где тучи с землей вдалеке сошлись?»

То не тучи, вершина Кап-Тау там,
Вскоре ты эту гору увидишь сам,
Чтобы снадобье снять с вершины ее,
Мы должны уподобиться горным орлам».

Проскакали всю ночь, и когда рассвет
Наступил, какой-то странный предмет
Разглядел Азим; он хотел расспросить
Старика, но того уже рядом нет.

Он умчался, юношу опередив,
Но, услышав Азима громкий призыв,
Крикнул: «Только быстрее, мой светоч! Здесь
Обитает могучий и грозный див».

Тут Азим поспешил догнать старика,
Вскоре видят — пред ними вьется река.
И держась берегов ее, у горы,
В час полдневный спешились два седока.

Двух верблюдов взнуздали они, потом
Распоролі третьему брюхо ножом
И очистили от потрохов нутро,
Чтобы было просторно в брюхе пустом.

А затем Азиму старик приказал:
«Вот веревка тебе, мой сын, и кинжал,
Спрячься в брюхе верблюжьем и смирно жди,
Чтоб с Кап-Тау двухглавый орел упал.

Он когтями вонзится в пададь, и с ней
Он взлетит на вершину ветра быстрее;
Смело шкуру кинжалом тогда распори,
И орел улетит, он страшится людей.

А вершина горы усеяна сплошь
Вязкой мелкой землей. Ты ею ~~набьешь~~
Поплотнее мешок и ~~опустишь~~ вниз
На веревке этой; потом подождешь;

Пока я его отвезу, а сам
Привяжешь покрепче веревку к камням
И с вершины сползешь, за нее держась.
Только так достанется снадобье нам».

Заучив слова старика на-зубок,
Взял Азим веревку, кинжал и мешок.
На прощанье хитрец еще говорит:
«Ты исполни все, как сказал я, сынок».

«На земле каких не бывает чудес;
Все, что с нами вершится, — воля небес;
Отступать уже поздно, — решил Азим, —
Будь что будет», — и в брюхо верблюжье полез.

Шкуру толстую хитрый старик зашил
И в пещере укрылся. Орлиных крыл
Тут послащались взмахи. Пададь схватив,
В поднебесье с добычею хищник взмыл.

Чуть Азим под ногами почву обрел,
Он верблюжье брюхо тотчас распорол;
Отлетев от добычи, сел в стороне,
Испугавшись Азима, хищный орел.

И достигнув легко вершины горы
И наполнив мешок свой глиной с горы,
Обвязал его крепко Азим и стал
Опускать на веревке длинной с горы.

Но едва земли коснулся мешок,
Как, схватив его жадно, бежать со всех ног
Пустился проклятый старик; заодно
И веревку с собою он уволок.

Но не понял юноша замыслов злых,
Крикнул: «Как же я слезу со скал крутых?»
«Много жертв безрассудства на этой горе
Я оставил; ты тоже одна из них», —

Убегая, крикнул предатель в ответ.
«На его возвращенье надежды нет», —
Подумал Азим. По скалам бродя,
Он искал хоть какой-нибудь тропки след.

Но, увы, был с горы заповедан путь.
Все же страх не терзал Азима ничуть.
Он какие-то фрукты нашел, поел,
«Будь что будет», — решил и прилег отдохнуть.

Солнце село. Азим проспал дотемна,
Вдруг, очнувшись, он видит — вершина полна
Сонмом страшных чудовищ. Надо бежать,
Но не в силах Азим очнуться от сна.

Но внезапно, стряхнув сновиденья власть,
Над собою он видит драконью пасть,
Чтоб не быть проглоченным в тот же миг,
Он решил на дракона с кинжалом напасть.

Оросив драконовою кровью кинжал,
Быстро юноша в сторону отбежал,
И, взобравшись на дерево, росшее тут,
Он в зеленой листве эту ночь проспал.

На рассвете проснувшись, увидел он,
Что покинули чудища горный склон
И только один неподвижно лежит,
Сраженный кинжалом Азима, дракон.

«Наверно и этот почуял бы страх
Пред солнечным светом и скрылся в горах,
Когда б не подох», — так подумал Азим
И к дракону подполз с кинжалом в руках.

Велико было юноши торжество,
Когда он убедился в том, что мертво
Поганое тело. Кинжалом своим
На ремни он разрезал кожу его.

Не ленился Азим, не лежал в тени,
Целый день он вязал и сплетал ремни;
И когда он к вершине их привязал,
До подошвы горы протянулись они.

Высока и скалиста была гора,
Но Азим не раздумывал: «Что же, пора...»
Слез с горы, вышел к речке он и пошел
Той дорогой, которою ехал вчера.

Утоляя голод и жажду водой,
Дня четыре он шел; вдруг пред ним золотой
Замок вырос. Такому чуду дивясь,
Он направился к замку с отважной душой.

Распахнул ворота дворца молодец,
Обошел все покои. Огромный дворец
Был безлюден и пуст. Удивленный Азим
В зал последний вошел, и там наконец

Двух красавиц узрел он. Красавиц таких
Никогда не встречал он в краях родных.
В шашки обе играли, и долго Азим,
Стоя сбоку, следил за игрою их.

Но когда наконец он замечен был,
Он вопросом таким привечен был:
«Отчего ты с пройдохой связался, жигит,
И, рассудок утратив, беспечен был?»

Без утайки все рассказал им Азим,
Все скитанья свои он поведал им,
И прекрасных слушательниц сердца
Он растрогал правдивым рассказом своим.

И когда был окончен печальный рассказ,
Струи слез текли у красавиц из глаз.
И сказали они: «Точно брата, тебя
Полюбить мы успели. Останься у нас».

«Будь по-вашему, сестры мои, вдвойне
Быть вам другом и братом приятно мне
Но должны вы меня отпустить, когда
По родимой соскучусь я стороне».

«Знай, Азим, что обетом связал нас бог.
От каких бы страданий ни изнемог,
Оставаясь с нами, терпи — и тогда
Ты вернешься домой в назначенный срок.

Не возлюбленным нашим, а братом будь,
Дружбу в сердце твое мы хотим вдохнуть,
А когда наступит разлуки пора,
Снарядим тебя обе в обратный путь».

Быть друзьями всегда решили они,
Клятву дали в том без усилий они,
Затаенные мысли и чувства свои
Друг от друга тогда не скрыли они.

Дни идут. Посвежел и окреп Азим,
Все, что видел он в замке, считал своим.
И куда бы ни захотел он пойти —
Двери замка распахнуты перед ним¹.

¹ На этом поэма обрывается.

ИСКАНДЕР¹

Помнит мир Искандера, его дела.
Македония скипетр ему дала.
Был сыном Филиппа-царя Искандер.
Всю вселенную слава его прошла.

Когда умер Филипп, Искандер вступил
В двадцать первый свой год, был в расцвете сил.
Малолюдный, бедный наследуя край,
Он к соседям недобрый взор обратил.

Увидел богатства, плоды их труда,
Собрал войско, повел на их города,
Покорил много стран, царей низложил,
Истребил народы, посевы, стада.

Много крови людской пролил человек,
Полноводны моря от кровавых рек.
Искандера мир будет помнить всегда,
Не забудет деяний его вовек.

Непокорных покорными сделал он,
Свои земли просторными сделал он,
Дни светлые ханов, султанов, царей
Омраченными, черными сделал он.

Но алчность его становилась сильнее,
Целый мир вскоре стал мал и тесен ей.
Говорили тогда про него льстецы:
«Искандер — владыка владык, царь царей».

¹ Александр Македонский.

Победы его разглашали гонцы,
Его слава летала во все концы.
Он в далекие страны грозой пошел —
Соберут кровавые жатвы жнецы.

Беспощаден, смел, кровожаден и зол,
Выше туч воспарил Искандер-орел.
Цветущие земли, пространства пустынь —
Нигде он предела себе не нашел.

Случилось, в одной из бесплодных пустынь
Блуждал он, в одной из голодных пустынь.
Обессиленный, жаркой жаждой томясь,
Страдал он в одной из безводных пустынь.

Безумели люди, судьбы устращась,
Умирали, с отчизной в мыслях простясь,
Молили аллаха о капле воды, —
Кто роптал, кто молчал, нужде покорясь.

Под Искандером пал конь, не снес беды.
Рука опустила поводья узды.
Обнял Искандер шею друга-коня, —
Поднялся, вдруг видит: словно луч звезды.

Он идет на луч, но, взамену огня,
Там струится ручей, прохладой маня.
Губами припал Искандер к роднику —
Освежала уста и душу струя.

Поварам он велел в ручей положить
Копченую рыбу, от пыли отмыть, —
Иной стала рыба, прекрасной на вкус,
Лишь успела вода ее освежить.

Искандер сказал: «Не встречалось такой
Мне воды, чтоб сравнить мог с этой водой.
Подойдите — и жажды огонь зальем, —
И пойдем к истокам воды ключевой.

Несомненно, там край богатый найдем, —
Народ покорим, непокорных убьем,
Богатства возьмем и вернемся домой,
Безмерную славу добудем мечом».

С Л О В А Р Ь

- А к ы н** — поэт-импровизатор, народный певец.
А т к а м е н е р — старейшина, прислужник бия.
Б а т ы р — богатырь.
Б а р ы м т а — набег с целью увода скота; в переносном смысле — родовая распря; **б а р ы м т а ч** — участник набега.
Б а й г а — скачки; приз на скачках.
Б а й б и ш е — старшая жена.
Б и й — родовой судья.
Д у т а р — музыкальный инструмент.
В е з и р ь — первый советник султана.
Ж а й л я у — летний выпас скота; пастбище.
К а л ы м — выкуп за невесту.
К у р а й — тростниковое растение.
К о б ы з — музыкальный инструмент, род скрипки.
М а л а х а й — меховая шапка с наушниками.
М е д р е с е — мусульманская духовная школа.
Н а с ы б а й — жевательный табак.
Т о б ы к т ы — наименование рода Абая.
Т о л м а ч — переводчик.
Т у л п а р — легендарный богатырский конь.
Т у м а г а — колпак, надеваемый на голову охотничьей птицы.
Ч е к м е н ь — род короткого кафтана.
Ш а п а н — верхняя одежда.
Ш а р и а т — свод мусульманских законов.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт-мыслитель	5
Абай (Ибрагим) Кунанбаев.	11
Для дитяти люлька... <i>Перев. А. Глобы.</i>	33
Охота с беркутом. <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	34
Белый лоб—серебро... <i>Перев. М. Тарловского</i>	36
С юных лет... <i>Перев. М. Петровых.</i>	38
Вот и старость... <i>Перев. Д. Бродского.</i>	39
Хоть мы уже старцы, хоть мысли печальны. <i>Перев. А. Длигача</i>	41
Хоть любую добычу беркут берет. <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	43
О бедная моя страна .. <i>Перев. А. Шифферса.</i>	44
Тот, кто заблудился... <i>Перев. Д. Бродского.</i>	46
Каждый за товаром едет на базар. <i>Перев. А. Шифферса.</i>	47
Юность только одна... <i>Перев. В. Рождественского.</i>	48
Лето. <i>Перев. П. Шубина.</i>	50
В интернате, за годом год. <i>Перев. Д. Бродского.</i>	52
Бесплезная жизнь убыла, прошла. <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	55
Кожекбаю. <i>Перев. Д. Бродского.</i>	57
Стихи—жемчужины... <i>Перев. А. Руст.</i>	62
Зима (Мороз). <i>Перев. В. Рождественского.</i>	65
Родич умрет у кого... <i>Перев. А. Руст.</i>	66
Креплюсь, а в сердце боль и мрак. <i>Перев. А. Шифферса.</i>	68
Кулембаю. <i>Перев. Д. Бродского.</i>	69
Управитель начальству рад. <i>Перев. В. Рождественского.</i>	74
Восьмистишия. <i>Перев. Д. Бродского.</i>	76
Если в душе твоей... <i>Перев. А. Длигача.</i>	85
Не для забавы... <i>Перев. Д. Бродского.</i>	87
Вовек не развеется черная пелена. <i>Перев. А. Нечая.</i>	88
Беззаботные, с пира на пир торопясь. <i>Перев. П. Шубина.</i>	89
Разум льду подобен... <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	91
Дух унижен мой. <i>Перев. А. Глобы.</i>	92
Ах, что за жребий ждет меня? <i>Перев. Д. Бродского.</i>	93
Обращение жигита. <i>Перев. П. Шубина.</i>	96

✓ Ответ девушки. <i>Перев. П. Шубина.</i>	98
✓ Жгут тяжелой косы... <i>Перев. А. Глобы.</i>	100
✓ Осень. <i>Перев. Л. Нечая.</i>	101
✓ Ноябрь—преддверие зимы... <i>Перев. П. Шубина.</i>	102
Кто спасет меня? <i>Перев. А. Ромма.</i>	104
Все от жизни я взял сполна. <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	106
Всем пресытиться может душа. <i>Перев. В. Рождественского.</i>	108
Порой душа вновь дерзнет. <i>Перев. М. Петровых.</i>	110
✓ Весна. <i>Перев. П. Шубина.</i>	111
Глядит, но что же видит он? <i>Перев. В. Бугаевского.</i>	114
Юности жаркий огонь. <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	115
И краснеть и бледнеть. <i>Перев. М. Тарловской.</i>	117
• Ты—згачок глаз моих. <i>Перев. М. Петровых.</i>	119
Ты, душа, терзаешь меня... <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	122
О сердце мое, замри, застынь. <i>Перев. Л. Нечая.</i>	124
Оспану. <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	125
Над землею туман висит. <i>Перев. О. Румера.</i>	126
Недогловечно добро. <i>Перев. В. Рождественского.</i>	127
Как без труда в руках держать на; од? <i>Перев. Д. Бродского.</i>	128
Вот и осень пришла для меня. <i>Перев. Л. Шифферса.</i>	129
✓ Речь влюбленных не знает слов. <i>Перев. А. Глобы.</i>	130
Будь разборчив в пути своем. <i>Перев. В. Рождественского.</i>	131
Холод жар,—молод, стар. <i>Перев. М. Петровых.</i>	132
Как бы ни был жратвой твоей желудок набит. <i>Перев. В. Бугаевского.</i>	133
Умерло детство... <i>Перев. А. Глобы.</i>	135
Когда станет длиною тень. <i>Перев. А. Глобы.</i>	136
Смертна природа... <i>Перев. А. Ромма.</i>	137
Поэт. <i>Перев. А. Глобы.</i>	138
✓ Красотка-девушка у зава жила. <i>Перев. М. Петровых.</i>	140
Вечность—круг... <i>Перев. А. Глобы.</i>	142
Птица мысли повсюду стремится крыла. <i>Перев. Л. Руст.</i>	143
Тучи набегут порой. <i>Перев. А. Глобы.</i>	145
Восторженной хвале толпы не верь... <i>Перев. Л. Руст.</i>	146
✓ На смерть Абдрахмана. <i>Перев. Д. Бродского.</i>	147
Время—словно туман... <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	148
Красивой песней под струнный звон. <i>Перев. В. Рождест-</i>	
✓ <i>венского.</i>	150
Грубый крик... <i>Перев. М. Петровых.</i>	151
✓ Милый мой, дорогой... <i>Перев. М. Петровых.</i>	152
Несчастный, мучила всю жизнь тебя судьба! <i>Перев. М. Пет-</i>	
<i>ровых.</i>	153
Габидулле. <i>Перев. Л. Руст.</i>	154
✓ На воде, как челнок, луна... <i>Перев. А. Глобы.</i>	155

О порыв души огневой. <i>Перев. В. Рождественского.</i> . . .	156
На сорок доскутыв тоскою... <i>Перев. М. Петровых</i>	157
Жизнь обирает нас день за днем. <i>Перев. М. Петровых.</i> . .	158
Разве не должен я... <i>Перев. М. Тарловского.</i>	159
Дни за днями чередой. <i>Перев. А. Глобы.</i>	160
Не увлек ты меня! <i>Перев. М. Петровых.</i>	160
Человек—мешок для мяса и костей... <i>Перев. А. Глобы.</i> . .	161
Если воли у сердца нет... <i>Перев. А. Штейнберга</i>	162
Года миновали—давно ль? <i>Перев. А. Глобы.</i>	163
Я вырастил пса из щенка. <i>Перев. А. Глобы.</i>	164
За счастьем любви не гонись... <i>Перев. А. Глобы.</i>	164
Одинокое, не найдет... <i>Перев. А. Штейнберга.</i>	165
В душе, что жила онемев... <i>Перев. А. Глобы.</i>	167
Уходит жизнь за часом час... <i>Перев. П. Шубика.</i>	168
Пожелтела надежд опавших листья. <i>Перев. А. Глобы.</i> . . .	169
Сердце—море, где радости—жемчуга. <i>Перев. М. Тарловского.</i>	170
Мотыльки, чей так свеж наряд. <i>Перев. М. Петровых.</i>	171
Афоризмы	172

ПОЭМЫ

Масгуд. <i>Перев. А. Глобы.</i>	179
Сказание об Азиме. <i>Перев. В. Буцаевскою.</i>	185
Искандер. <i>Перев. А. Глобы.</i>	197
Словарь	203

*Оформление книги
художников
В. Ростовцева и
Ю. Ростовцева*

*Редактор А. Рябкина
Худ. редактор П. Масляненко
Технический редактор
С. Симонов
Корректоры А. Бенъяминович
и Е. Миронова
Выпускающий Д. Тараканов*

* * *

Тираж 10 000

*Сдано в набор 30/IX 1940 г.
Подп. к печати 28/X 1940 г.
Изд. № 88. X-60. К 91 А-32742
Форм. бум. 60×92¹/₁₀. 13 печ. л.
Авт. 6,69 л. Зак. т. № 6403.*

* * *

*Типография имени Воровского,
Москва, ул. Дзержинского, 18.*